

Леди Джоан Пелем
Марджери Брюс (Пастон)
Екатерина Арагонская
Анна Болейн
Дороти Осборн (Темпл)
Нелл Гвинн
Леди Мэри Пиррпонт
Абигейл Смит (Адамс)
Манон Жанна Флипон

ЛЮБОВНЫЕ ПИСЬМА ВЕЛИКИХ ЛЮДЕЙ

Мария Смайт
Мэри Уолстонкрафт
Кэтрин Мэнсфилд
Мари-Жозефа-Роз Таше
де ла Пажери
(императрица Жозефина)
Мэри Хатчинсон (Вордсворт)
Мария Брануэлл (Бронте)
Мария Бикнелл (Констебл)
Клэр Клэрмон
Джейн Уэлш (Карлейль)
Жорж Санд
Клара Вик (Шуман)
Королева Виктория
Дороти Осборн (Темпл)
Эмили Дикинсон
Изабелла Мейсон
Мэри Уиндем (леди Элко)
Эдит Ньюболд Джонс (Уортон)
Роза Люксембург

ЖЕНЩИНЫ

Императрица Александра
Кэтрин Мэнсфилд

Annotation

Продолжение одноименного бестселлера, сборник самых романтических и самых трогательных любовных писем, написанных великими женщинами своим возлюбленным в самые разные времена и эпохи, в самых разных жизненных обстоятельствах.

В этой книге собраны вместе самые романтические образцы эпистолярного жанра, незаслуженно забытого в наш век электронной почты и SMS-сообщений.

Читая любовные письма великих женщин, мы понимаем, что человечество, в сущности, мало изменилось за последние две тысячи лет. Страсть, ревность, надежда – все эти эмоции мы найдем здесь наравне с простым удовольствием послать письмо и получить ответ от человека, которого ты любишь больше всего на свете. Мы увидим, что литературный талант – необязательное условие для искреннего письма любви, и совсем не важно, в какой форме оно написано и каким способом дойдет до адресата.

- Урсула Дойль

- Предисловие

- Леди Джоан Пелем

- Леди Джоан Пелем – сэру Джону Пелему

- Марджери Брюс (Пастон)

- Марджери Брюс (Пастон) – Джону Пастону

- Марджери Брюс (Пастон) – Джону Пастону

- Екатерина Арагонская

- Екатерина Арагонская – Генриху VIII

- Екатерина Арагонская – Генриху VIII

- Анна Болейн

- Анна Болейн – Генриху VIII

- Дороти Осборн (Темпл)

- Дороти Осборн (Темпл) – сэру Уильяму Темплу

- Дороти Осборн (Темпл) – сэру Уильяму Темплу

- Нелл Гвинн

- Нелл Гвинн – Лоуренсу Хайду (впоследствии граф Рочестер)
- Леди Мэри Пиррпонт (леди Мэри Уортли Монтегю)
 -
 - Леди Мэри Пиррпонт (леди Мэри Уортли Монтегю) – Эдварду Уортли Монтегю
 - Леди Мэри Пиррпонт (леди Мэри Уортли Монтегю) – Эдварду Уортли Монтегю
 - Леди Мэри Пиррпонт (леди Мэри Уортли Монтегю) – Эдварду Уортли Монтегю
- Абигейл Смит (Адамс)
 -
 - Абигейл Смит (Адамс) – Джону Адамсу
 - Абигейл Смит (Адамс) – Джону Адамсу
 - Абигейл Смит (Адамс) – Джону Адамсу
- Манон Жанна Флипон (мадам Ролан)
 -
 - Манон Жанна Флипон (мадам Ролан) – Леонарду Бюзо
- Мария Смайт (миссис Фицгерберт)
 -
 - Мария Смайт (миссис Фицгерберт) – принцу-регенту
 - Мария Смайт (миссис Фицгерберт) – принцу-регенту
- Мэри Уолстонкрафт
 -
 - Мэри Уолстонкрафт – Гилберту Имли
 - Мэри Уолстонкрафт – Гилберту Имли
 - Мэри Уолстонкрафт – Уильяму Годвину
- Мари-Жозефа-Роз Таше де ла Пажери (императрица Жозефина)
 -
 - Мари-Жозефа-Роз Таше де ла Пажери (императрица Жозефина) – Наполеону Бонапарту
- Мэри Хатчинсон (Вордсворт)
 -
 - Мэри Хатчинсон (Вордсворт) – Уильяму Вордсворту
- Мария Брануэлл (Бронте)
 -
 - Мария Брануэлл (Бронте) – преп. Патрику Бронте

- Мария Брануэлл (Бронте) – преп. Патрику Бронте
- Мария Брануэлл (Бронте) – преп. Патрику Бронте
- Мария Бикнелл (Констебл)
 -
 - Мария Бикнелл (Констебл) – Джону Констеблу
 - Мария Бикнелл (Констебл) – Джону Констеблу
- Клэр Клэрмон
 -
 - Клэр Клэрмон – лорду Байрону
- Джейн Уэлш (Карлейль)
 -
 - Джейн Уэлш (Карлейль) – Томасу Карлейлю
 - Джейн Уэлш (Карлейль) – Томасу Карлейлю
- Жорж Санд
 -
 - Жорж Санд – Альфреду Мюссе
 - Жорж Санд – Пьетро Пагелло
- Клара Вик (Шуман)
 -
 - Клара Вик (Шуман) – Роберту Шуману
- Королева Виктория
 -
 - Королева Виктория – принцу Альберту
 - Королева Виктория – королю Бельгии
- Эмили Дикинсон
 -
 - Эмили Дикинсон – Сюзан Гилберт (Дикинсон)
- Изабелла Мейсон (миссис Битон)
 -
 - Изабелла Мейсон (миссис Битон) – Сэму Битону
- Мэри Уиндем (леди Элко)
 -
 - Мэри Уиндем (леди Элко) – Артуру Бальфуру
- Эдит Ньюболд Джонс (Уортон)
 -
 - Эдит Ньюболд Джонс (Уортон) – У.Мортону Фуллертону
- Роза Люксембург
 -
 - Роза Люксембург – Лео Йогихесу
- Императрица Александра
 -

- Императрица Александра – царю Николаю II
 - Императрица Александра – царю Николаю II
- Кэтрин Мэнсфилд
 -
 - Кэтрин Мэнсфилд – Джону Миддлтону Марри
 - Кэтрин Мэнсфилд – Джону Миддлтону Марри
 - Кэтрин Мэнсфилд – Джону Миддлтону Марри
 - Кэтрин Мэнсфилд – Джону Миддлтону Марри
 - Кэтрин Мэнсфилд – Джону Миддлтону Марри
 - Кэтрин Мэнсфилд – княгине Бибеско[6]
(урожденной Элизабет Асквит)
- Письма с Первой мировой войны
 -
 - Жительница Уолтемстоу – мужу
 - Жительница Уолтемстоу – мужу
 - Жительница Уолтемстоу – мужу
- Библиография
- От автора
- notes
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6

Урсула Дойль

Любовные письма великих людей.

Книга вторая. Женщины

© Ursula Doyle, составление, 2008

© Издание на русском языке, перевод на русский язык.

ООО «Издательство «Добрая книга», 2010

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

*Посвящается памяти четырех
великих женщин:*

А. Д. и М. И. С., А. Д. и Н. Д.

Предисловие

До выхода в свет этой книги было опубликовано другое издание под названием «*Любовные письма великих людей*». Его появление послужило поводом для дискуссии о том, пишут ли люди в наше время любовные письма. Участники обсуждения пришли к заключению, что современным средствам коммуникации удалось вытеснить слова, написанные на бумаге, и уж совсем невероятным явлением в наши дни выглядит способность *мужчины* заставить себя написать письмо (и вдобавок отправить его). Но читатели (преимущественно женщины) сетовали не столько на то, что место любовных писем узурпировали текстовые сообщения с мобильных телефонов и послания по электронной почте, сколько на безвозвратный уход тех времен, когда мужчины говорили о своих чувствах, а не только брюзжали, валяясь на диване. Интерес к чтению романтических (и даже не столь романтических) излияний мужчин, живших в другие исторические периоды, объясняется, вероятно, не личностными качествами этих мужчин, а тем, что подобные излияния в наше время – большая редкость, какую бы форму они ни принимали.

Как было отмечено в предисловии к публикации, письма мужчин заметно различаются по стилю, настроению и, увы, степени искренности: порой возникает ощущение, будто некоторые великие мужчины писали их в расчете на потомков или в убеждении, что любовное письмо – всего-навсего очередной способ блеснуть своими талантами. При составлении данного тома чтение писем производило совсем иные впечатления. Для великих мужчин, видных исторических деятелей, выбор любимых и жен был лишь одной из множества сторон жизни; своим величием они были обязаны достижениям в других сферах – в науке, путешествиях, завоеваниях, политических играх, творческих устремлениях. Все эти сферы деятельности открылись большинству женщин сравнительно недавно, поэтому, как ни прискорбно, женщины, упомянутые в данной книге, обязаны своей известностью либо тем, за кого они вышли замуж, либо тем, кого произвели на свет: только благодаря связи с прославленными мужьями или отпрысками сохранились письма этих женщин. Брак всецело определял дальнейшую судьбу многих из них. Я не могу и, разумеется, не стану утверждать, что женщины бывают искренними чаще, чем мужчины, что женщины менее способны к притворству и позерству. Суть в том, что дела сердечные могли необратимо изменить судьбу женщины, хотя

вовсе не влияли на судьбу мужчины. Трудно вообразить, чтобы кто-либо из великих мужчин в 1712 г. писал подобно леди Мэри Уортли Монтегю в письме любимому незадолго до побега с ним вопреки воле ее отца: «То, что мы делаем, приводит меня в трепет. Вы и вправду будете любить меня вечно? Страшусь и надеюсь». Для женщины последствия неверного решения, одного ошибочного шага могли быть поистине катастрофическими.

Разумеется, здесь упомянуты и женщины, которые презирали условности, не подчинялись родне и вели борьбу за возможность самостоятельно распоряжаться собственной жизнью. Как правило, эти женщины были необыкновенно умны, богаты, а следовательно, независимы. Это ничуть не принижает значения их достижений, просто надо иметь в виду, что планка на пути женщин к успеху была установлена почти на недостижимой высоте. И, конечно, в нашем списке есть женщины, которых активно поощряли их замечательные супруги. К примеру, мужа Абигейл Адамс и Изабеллы Битон поддерживали их и желали успеха в любых начинаниях.

Здесь есть и печальные истории. Они повествуют не только о любви, закончившейся трагедией, но и об опасностях и бедах, которые подстерегали женщин на их жизненном пути: от бесправия, недостатка образованности и экономической независимости до угрозы жизни во время тяжелых родов и вероятности смерти детей в младенчестве. Антибиотики и избирательное право все изменили, по крайней мере, в более экономически развитых странах (стоит отметить, что, согласно ужасающей статистике ООН, из 536 тысяч случаев смерти рожениц, происходящих ежегодно, 99 % приходятся на долю менее развитых в экономическом отношении стран). Вряд ли здесь применим феминистский лозунг «Ты прошла длинный путь, детка», но порой бывает полезно вспомнить, какого прогресса добились женщины с тех пор, как в 1790 г. Мэри Уолстонкрафт написала свою знаменитую статью «*Защита прав женщины*».

В этом списке любовных писем меня поражает упорство женщин, несмотря на, казалось бы, непреодолимые трудности, их настойчивость, смелость, стоицизм, остроумие, обаяние и великодушие. Любовь, о которой говорится в их письмах, принимает различные формы: она снисходительна, обманчива, двусмысленна, честолюбива, эгоистична, эротична, целомудренна и безумна. Тем не менее это любовь и в то же время наследие, которым стоит дорожить.

Урсула Дойл, Лондон, 2009

Я смотрела на всех этих глупых девчонок,

выскакивающих за первого встречного, с которым, как им казалось, они смогут жить. И, видимо, ждала человека, без которого жить не смогу.

Нора Дойл, 1917–2007 гг.

Леди Джоан Пелем

...клянусь, никогда еще я не радовалась так, как когда узнала из Вашего письма, что Господь не оставляет Вас своей милостью и оберегает от вражеских козней.

Это письмо леди Пелем написала своему мужу, сэру Джону, в 1399 г. из принадлежащего им замка Певенси в Восточном Суссексе. Сэр Джон Пелем в то время был в отъезде, помогал Генри Болингброку собирать войска для попытки свергнуть с трона Ричарда II, как впоследствии оказалось, удачной. Певенси осадили враги сэра Джона, и леди Пелем, не поддаваясь панике, спрашивала мужа, сможет ли он вскоре вернуться домой.

Леди Джоан Пелем – сэру Джону Пелему (15 июля (?) 1399 года)

Дорогой милорд,

вверяюсь Вашей высокородной светлости душой, телом и всеми скудными силами. При сем благодарю Вас, мой дорогой милорд, дражайший и возлюбленный среди всех лордов земли. Позвольте поблагодарить Вас, дорогой милорд, со всем вышесказанным за утешительное письмо, отправленное Вами из Понтефракта и доставленное мне в день Святой Марии Магдалины; клянусь, никогда еще я не радовалась так, как когда узнала из Вашего письма, что Господь не оставляет Вас своей милостью и оберегает от вражеских козней. Дорогой милорд, не будет ли угодно Вашей высокородной светлости известить меня о Вашем скором прибытии, да поможет Вам в этом Господь Всемогуший. Если же, дорогой милорд, Вы пожелаете узнать, как живется мне, то я здесь будто бы в осаде вместе с графством Суссекс, Суррей и большей частью Кента, так что ни мне нельзя выехать, ни ко мне припасы доставить, кроме как с великой опасностью. Посему, дорогой, Вам предстоит с помощью мудрых советников найти способ спасти свой замок и уберечь от ущерба вышеименованные земли. Разузнайте и о первых злодеях этих земель, которые так подло обошлись с Вами, с Вашим замком, людьми и арендаторами, ибо этим краям они нанесли большой урон.

Прощайте, дорогой милорд! Да хранит Вас от врагов Святая Троица, дабы поскорее мне услышать добрые вести от Вас. Писано в Певенси, в замке, после дня Святого Якова Вашей бедной Дж. Пелем. Моему законному господину.

Марджери Брюс (Пастон) (ок. 1428 —?)

*Прикажешь мне любовь хранить, куда я ни пойду,
Любить я буду всей душой, так сильно, как смогу.*

Пастоны были видным норфолкским семейством конца Средневековья. Они оставили ценное собрание писем представителей четырех поколений, рисующих выразительную картину жизни в те времена. Приведенные ниже письма Марджери Брюс Джону Пастону, относящиеся к 1476 г., иногда называют древнейшими любовными письмами, написанными по-английски, но они, в сущности, носят более деловой характер, чем может показаться на первый взгляд. Основной предмет этих посланий – продолжающиеся переговоры по поводу размеров приданого Марджери, которое семейство Пастонов считало слишком скромным. В конце концов Марджери и Джон поженились в 1477 г.

Марджери Брюс (Пастон) – Джону Пастону (февраль 1476 года, отправлено из Топкрофта)

Моему истинному возлюбленному Валентину, Джону Пастону, эсквайру, доставить в собственные руки.

Мой милостивый и почтенный возлюбленный Валентин, я вверяюсь Вам, горя желанием узнать о Вашем благоденствии, и молю Всемогущего Господа продлить его ради своей услады и во исполнение Ваших желаний.

Если же Вам угодно узнать, как поживаю я, то я отнюдь не в добром телесном и душевном здравии и не пребуду в них, пока не получу весточку от Вас.

*Не знает никто, что терплю муки вечно,
От них даже смерть не излечит.*

Ваша матушка со всем старанием изложила суть дела моему отцу, но не смогла добиться от него более того, о чем Вам уже известно, и Бог свидетель, я горько об этом сожалею. Но если Вы любите меня, а я верю, что воистину любите, Вы не оставите меня, ибо, если бы у Вас не было и половины средств, что Вы имеете, я не покинула бы Вас, даже если бы мне пришлось заниматься самым тяжким трудом, на какой только способна женщина.

*Прикажешь мне любовь хранить, куда я ни пойду,
Любить я буду всей душой, так сильно, как смогу.
А если друзья не отпустят уйти*

*И скажут, что сбиться рискую с пути,
Мне сердце велит тебя любить
Превыше всего, что есть на земле,
А если не разгорится их гнев,
Чем дальше, тем буду любить все сильнее.*

На этот раз более ни слова, и да хранит Вас Святая Троица, а я молю не показывать это письмецо никому из ныне живущих, кроме как Вам самому.

Это письмо писано в Топкрофте с тяжестью на сердце Вашей Марджери Брюс.

Марджери Брюс (Пастон) – Джону Пастону

Благодарю Вас всем сердцем за присланное письмо... из которого я наверняка узнала о Вашем намерении приехать... в скором времени с единственной целью скрепить соглашение между Вами и моим отцом. Я стала бы счастливейшей из смертных, если бы это наконец произошло... Если же Вы приедете, но дело так и не будет решено, меня переполнят скорбь и печаль.

Что до меня, я сделала все от меня зависящее, все, что только могла, и Бог тому свидетель. Постарайтесь понять, что мой отец решительно отказывается расставаться с деньгами сверх обещанных полутора сотен [фунтов], а это гораздо меньше, чем ожидаете Вы.

По этой причине, если Вы удовлетворитесь указанной суммой и моей скромной персоной, я буду счастливейшей девицей на свете. Если же Вы останетесь неудовлетворенным или сочтете, что Вам причитается больше денег, о чем уже заявляли ранее, тогда, мой добрый, верный и любящий Валентин, не трудитесь впредь приезжать по этому делу. Пусть оно завершится и впредь никогда не будет упоминаться, с тем что я останусь Вашим верным другом и сторонником до конца моих дней.

Екатерина Арагонская

(1485–1536)

...молю Бога поскорее возвратить Вас домой, ибо без этого радость не полна, и, молясь об этом, отправляюсь к Богородице Уолсингемской, как давно обещала.

Екатерина Арагонская, родившаяся во дворце Алькала-де-Энарес к северо-востоку от Мадрида 16 декабря 1485 г., приходилась дочерью Фердинанду Арагонскому и Изабелле Кастильской. Изабелла строго следила, чтобы ее дочери получили хорошее образование и были воспитаны в католической вере. Познания Екатерины в латыни, европейских языках и классической литературе вызывали восхищение у многих, как и ее набожность, доходящая до крайности.

Когда инфанте было всего два года, английский король Генрих VII предложил ей в мужья своего старшего сына Артура, принца Уэльского, бывшего годом младше невесты. После переговоров, продлившихся более десяти лет, инфанта прибыла в Плимут в октябре 1501 г. Брачный союз Екатерины Арагонской и Артура, принца Уэльского, был скреплен в соборе святого Павла 14 ноября.

На следующий год, в апреле, пятнадцатилетний Артур скончался. Испанская сторона сразу же проявила интерес к замужеству Екатерины и Генриха, нового принца Уэльского. Хотя Генрих VII не возражал против этого брака, переговоры, проходившие в Англии, Испании и Риме (потребовалось разрешение Папы Римского, так как Генрих приходился родственником Екатерины по мужу), затянулись на шесть лет. Все это время Екатерина оставалась в Лондоне как вдовствующая принцесса Уэльская; ее томила тоска по дому, она была стеснена в средствах и часто жаловалась отцу на скупость Генриха VII. К марту 1509 г. она начала умолять родных позволить ей вернуться в Испанию и уйти в монастырь. Наконец Генрих и Екатерина поженились за несколько недель до того, как принц унаследовал престол, в июне 1509 г.

Продолжительность этого брака (более двадцати лет) часто затмевает то, что последовало за ним, а именно пять браков Генриха, сменявших один другой в течение десяти бурных лет, начиная с 1533 г. Кроме того, пара явно была довольна своей супружеской жизнью почти на всем ее протяжении, хотя ее

наверняка омрачали многочисленные выкидыши Екатерины и рождение мертвых младенцев. Выжил лишь один ребенок супругов – принцесса Мария, родившаяся в 1516 г. Согласно распространенным и ошибочным представлениям, Екатерина была невзрачной и унылой религиозной фанатичкой с вечными четками, ломаным английским и малоприятными гинекологическими проблемами. Но исторические источники свидетельствуют, что Генрих уважал свою жену настолько, что поручал ей заниматься государственными делами в его отсутствие, вопреки ее непоколебимому убеждению, что христианский долг жены – повиноваться мужу во всем. Первое из приведенных ниже писем было написано, когда Генрих сражался с французами. Екатерина успешно отразила вторжение шотландцев во главе с королем Яковом IV, причем сам король погиб на поле боя. Обрадованная Екатерина написала Генриху и отправила ему рубашку убитого монарха, намекая, что охотнее отослала бы его труп, но ей не позволили брезгливые английские придворные.

Причины разрыва между Генрихом и Екатериной были не так просты, как можно предположить на основании многочисленных художественных произведений, где его объясняют тем, что Генриху, с одной стороны, наскучила стареющая жена, а с другой – его приворожила Анна Болейн. Наряду с этими факторами существовало и несколько других, в том числе теряющий свою важность союз с Испанией и настойчивое, доходящее до одержимости стремление Генриха произвести наследника мужского пола. Несомненно одно: с Екатериной он обошелся отвратительно. Генрих возбудил против нее унизительный судебный процесс относительно ее брачного союза с братом Генриха, а после аннулирования брака самого Генриха с Екатериной запретил ей видаться с любимой дочерью, которую объявил незаконной.

После того как Анна Болейн стала королевой, Екатерину отослали в провинцию: сначала в Хантингдон, затем в Кембриджшир. Екатерина отказалась признать Анну королевой, принять титул вдовствующей принцессы, а также поклясться, что признает детей Анны законными наследниками Генриха. Екатерина умерла в 1536 г., упорно повторяя, что ее брак с Генрихом имел законную силу, что она была королевой и продолжала любить супруга. Последнее письмо Екатерины к Генриху, второе из приведенных, надрывает сердце: «И, наконец, клянусь, что превыше всего желаю лицезреть Вас». В ознаменование ее смерти Генрих и Анна разделились в желтое и продемонстрировали всему двору свою дочь, маленькую

принцессу Елизавету.

Екатерина Арагонская – Генриху VIII (16 сентября 1513 года)

Сэр, милорд Говард прислал мне письмо к Вашей милости, которое я прилагаю к своему; из него Вы наконец узнаете о великой победе, посланной Господом Вашим подданным в Ваше отсутствие. Вследствие этого не вижу оснований утруждать Вашу милость долгими посланиями, но, по моему разумению, эта битва принесла великую честь и Вашей милости, и всем Вашим владениям, большую, чем если бы Вы завоевали всю Францию. Хвала Господу за это, и я уверена, Ваша милость не забудет поблагодарить его, дабы он послал Вам новые великие победы, в чем я нисколько не сомневаюсь. Мой супруг, с Ружкроссом я не смогла отправить Вашей милости лоскут рубашки шотландского короля, которую привез Джон Глинн. На этот раз Ваша милость увидит, что я держу слово и посылаю для Вашего знамени рубашку короля. Я подумывала, не послать ли Вам его самого, но сердца наших англичан этого не вынесли бы. Ему было бы лучше упокоиться с миром, чем заслужить такое воздаяние. Все к лучшему, что ниспосылает нам Бог.

Мой Генрих, милорд Суррей охотно выполнит Вашу волю и похоронит тело короля Шотландии так, как Вам угодно, о чем он и написал мне. Да будет угодно Вашей милости сообщить свою волю со следующим гонцом. За сим заканчиваю, молю Бога поскорее возвратить Вас домой, ибо без этого радость не полна, и, молясь об этом, отправляюсь к Богоматери Уолсингемской, как давно обещала. Писано в Уоберне 16 сентября.

К сему прилагаю для Вашей милости письмо, найденное в кошеле одного шотландца, о том, как французский король подстрекал вышеупомянутого короля шотландцев пойти против

Вас войной, и умоляю Вас отправить сюда Мэтью, как только
прибудет этот гонец, дабы я получила вести от Вашей милости.

Ваша смиренная жена и преданная служанка Екатерина

Екатерина Арагонская – Генриху VIII (1535 год)

Дорогой милорд, супруг,

вверяю Вам себя. Час моей смерти уже близок, и посему нежная любовь, каковую я питаю к Вам, побуждает меня в нескольких словах напомнить Вам о здоровье и спасении души, которые Вам надлежит ставить превыше всех мирских дел, превыше забот о собственном теле и его ублажении, ради которого Вы причинили мне столько горя, а самому себе доставили столько хлопот.

Со своей стороны прощаю Вам все и усердно молю Бога, чтобы и он даровал Вам прощение.

Что до остального, вверяю Вам Марию, нашу дочь, умоляю быть ей добрым отцом, чего я всегда желала. Ради моих служанок прошу Вас также назначить им приданое: эта просьба ничтожна, ведь их всего три. Что касается прочих моих слуг, прошу заплатить им за год больше, чем им причитается, дабы они не остались без средств к существованию.

И, наконец, клянусь, что превыше всего желаю лицезреть Вас.

ANNA · BOLLINA · V · XOK · HENRICI · OCT

Анна Болейн

(ок. 1500–1536)

...ни одному государю еще не доводилось иметь более преданной супруги и обрести более истинную любовь, чем обрели Вы в лице Анны Болейн...

Анна Болейн была дочерью Томаса Болейна, графа Ормонда, и Элизабет Говард, дочери Томаса Говарда, герцога Норфолкского. Томас Болейн возлагал огромные надежды на своих трех детей, из которых Анна была второй. Когда она в тринадцать лет получила место фрейлины при дворе королевы Маргариты Австрийской в Брюсселе, отец расценил это предложение как возможность, которую ни в коем случае нельзя упустить. Двор Маргариты считался одним из самых влиятельных в Европе, пребывание при нем подготовило бы Анну к заветной цели – службе при дворе Екатерины Арагонской. Но вскоре после прибытия в Брюссель Анне в результате изменения дипломатической ситуации пришлось отправляться во Францию, где она поступила на службу к королеве Клод. Сблизившись с ней, Анна приобрела светский лоск и обаяние, которыми сразу привлекла к себе внимание после возвращения к английскому двору в 1521 г.: прекрасно образованная, обладающая тонким вкусом, остроумная и великолепно одетая, она выгодно отличалась от своих современниц.

Следующим шагом для Анны должен был стать брак. Но несколько предложений остались без ответа, вероятно, потому, что с точки зрения отца Анны претенденты на ее руку были недостаточно высокопоставлены. Наконец примерно в 1526 г. Анну заметил Генрих VIII. Король, недавно отказавшийся от услуг сестры Анны, Мэри, был готов взять новую фаворитку. Так получилось, что это место освободилось в то же время, когда Генрих, не имеющий наследников мужского пола, окончательно уверовал, что его брак с Екатериной никогда не имел законной силы.

За последующие шесть лет брак Генриха и Екатерины был аннулирован, после чего король женился на Анне. Политические и религиозные последствия этого шага оказались значительными и в конечном итоге привели к разрыву Генриха с Римом и к основанию англиканской церкви. Брак с Анной был заключен в январе 1533 г. К тому времени новобрачная успела забеременеть.

7 сентября родилась принцесса Елизавета.

Рождение девочки отнюдь не стало для Анны катастрофой, она была еще слишком молода. Но выкидыш в августе 1534 г. оказался плохим предзнаменованием. После него Анна смогла забеременеть лишь осенью 1535 г. В январе 1536 г. умерла Екатерина, кончину которой с облегчением восприняли Генрих и Анна, зная, как много было у прежней королевы и ее дочери Марии сторонников по всей стране. Однако радость оказалась недолгой: в конце того же месяца у Анны случился еще один выкидыш. Тем не менее положение еще можно было бы спасти, если бы Анна не рассорилась с лордом-канцлером Томасом Кромвелем, ранее ее главным союзником, и если бы важные дипломатические переговоры не погубило требование Генриха, чтобы могущественные европейские монархи признали Анну его законной женой.

Анне следовало уйти со сцены, и Томас Кромвель позаботился об этом. Простого развода было бы недостаточно: Анну и ее сторонников следовало вывести из игры раз и навсегда. Поэтому Кромвель измыслил целый список тяжких обвинений, заявив, что Анна повинна не только в кровосмесительной связи со своим братом Джорджем, но и в прелюбодеянии с четырьмя другими приближенными. Все они были взяты под стражу и заточены в Тауэр.

После суда, противоречащего всем законам, Джорджа Болейна и его товарищей по несчастью казнили 17 мая 1536 г. Тем же днем архиепископ Кентерберийский объявил брак Анны и Генриха аннулированным и не имевшим законной силы на основании предшествующей связи Генриха с Мэри Болейн (что не может не вызывать вопрос, каким образом незамужняя Анна могла совершить прелюбодеяния, в которых ее обвинили). 19 мая Анну обезглавил мечом в Тауэре палач, привезенный из Франции. Это случилось менее чем через шесть месяцев после смерти Екатерины Арагонской. 30 мая Генрих женился на Джейн Сеймур, одной из фрейлин Анны.

Приведенное далее письмо, датированное 6 мая, сохранилось только в виде копии, его подлинность ничем не подтверждена.

Анна Болейн – Генриху VIII

(6 мая 1536 года)

Сэр,

неудовольствие Вашей милости и мое заточение стали для меня такой неожиданностью, что я понятия не имею, что писать и за что извиняться. Так как Вы прислали ко мне (желая добиться от меня признания или мольбы о Вашем снисхождении) того, кто, как Вам известно, является моим давним и заклятым врагом, то я сомневаюсь в том, что Вы имели в виду, с тех пор, как получила от него это известие. Если чистосердечное признание обеспечит мне спасение, как Вы говорите, я охотно и усердно выполняю Ваше повеление, но пусть будет известно Вашей милости, что Вашу жену можно заставить признать вину там, где ее не было и в мыслях, и если уж говорить начистоту, ни одному государю еще не доводилось иметь более преданной супруги и обретать более истинную любовь, чем обрели Вы в лице Анны Болейн, именем и местом которой я с готовностью удовольствуюсь, если так будет угодно Богу и Вашей милости. В своем возвышении, получив королевский титул, я ни на минуту не забывалась, но, напротив, всегда относилась к таким переменам так, как сейчас, ибо была избрана без иных оснований, кроме как волей Вашей милости, и знала, что малейшей перемены будет достаточно, чтобы той же волей был возвеличен другой подданный.

Вы изволили выбрать меня и, несмотря на низкое мое происхождение, сделать своей королевой и спутницей, хотя я ничем этого не заслужила и не питала подобных желаний, и если в то время Вы сочли меня достойной такой чести и Вашей милости, не допустите, чтобы мимолетная прихоть или корыстный совет моих врагов лишили меня Вашего королевского

снисхождения, не дайте, чтобы это клеймо, презренное клеймо измены Вашей милости, навсегда запятнало Вашу преданную жену и маленькую принцессу, Вашу дочь. Судите меня, мой добрый король, но законным судом, дабы моими обвинителями и судьями не стали мои заклятые враги, и пусть этот суд будет открытым, ибо моей правоте не страшен позор, и тогда Вы либо убедитесь в том, что я невинна, Ваши подозрения и совесть будут удовлетворены, а бесчестье и клевета мирская остановлены, или же мои провинности объявят открыто, и тогда мою участь решит Бог или Ваша милость, Вы избегнете открытого порицания, мои преступления будут доказаны, как требует закон, Ваша милость получит свободу действий перед Богом и людьми и не только назначит мне кару по заслугам, как неверной жене, но и подтвердит благосклонность к той стороне, чьими стараниями я сейчас нахожусь здесь и кому я могла бы оказать добрую услугу, известив Вашу милость о своих подозрениях.

Но если Вы уже решили, как поступить со мной, если Ваше заветное желание – не только умертвить, но и оклеветать меня, тогда я прошу, чтобы Бог простил Вам этот великий грех, а равно и моих врагов, его орудие. И если он не призовет Вас к ответу сразу же за недостойное государя и жестокое обращение со мной, на высшем суде, перед которым Вы и я вскоре предстанем и в правоте которого я не сомневаюсь (что бы там ни думал обо мне весь мир), моя невиновность будет признана открыто и получит достаточное подтверждение. В таком случае моим последним и единственным желанием будет взять на себя бремя неудовольствия Вашей милости, дабы оно не коснулось невинных душ бедных джентльменов, которых, насколько я понимаю, заточили в темницу из-за меня. Если Вы когда-либо были благосклонны ко мне, если имя Анны Болейн ласкало Вам слух, исполните эту последнюю просьбу. И я более не потревожу Вашу милость, но буду усердно молить Святую Троицу хранить и направлять ее во всех поступках. Из моего скорбного заточения в Тауэре мая 6-го дня

преданная и верная Вам жена А.Б.

Дороти Осборн (Темпл) (1627–1695)

Целый день я расчесываю, завиваю и целую этот локон, он снится мне ночами. Кольцо тоже прелестно, но немного великовато.

Дороти Осборн происходила из семьи, которая во время английской революции (гражданской войны) встала на сторону роялистов. Ее отец, сэр Питер Осборн, был губернатором Гернси, одного из Нормандских островов. Когда разразилась война, его жена, леди Дороти, увезла детей из дома в Бедфордшире в Сен-Мало во Францию, чтобы быть рядом с мужем в осажденном замке Корнет на Гернси. Леди Дороти исправно посылала сэру Питеру провизию, в результате чего погрязла в долгах. В 1644 г., она увезла семью обратно в Англию и временно поселилась в Челси, в доме своего брата, так как дом в Бедфордшире уже был захвачен войсками парламента. Два родных брата Дороти погибли в военных действиях. В 1646 г., когда погиб второй брат, сэру Питеру пришлось отступить с Гернси и направиться к Сен-Мало. Дороти предпринимала отчаянные попытки увидеться с отцом и в это время познакомилась с сэром Уильямом Темплом, молодым человеком, который оставил Кембридж, не получив диплома, и отправлялся в путешествие по континенту.

Последовал продолжительный, часто прерывающийся период ухаживаний. Отец и братья Дороти были категорически против такого брака. Состояние Осборнов истощила война, и вся семья рассчитывала, что Дороти найдет богатого мужа. В 1648 г. сэр Уильям вновь отправился на континент, а в 1651 г., после того как влюбленным удалось встретиться в Лондоне, семья Дороти вернулась в Бедфордшир. Девушке представляли одного за другим достойных молодых мужчин, но она отвергла всех. Именно в это время между влюбленными завязалась наиболее оживленная переписка. Сохранилось 77 писем Дороти к сэру Уильяму, она же уничтожила все полученные от сэра Уильяма письма, кроме одного. Дороти приходилось скрываться от неусыпного надзора брата Генри, ее письма выносили из дома тайком. Лишь в 1654 г., после смерти отца, Дороти сочеталась браком с сэром Уильямом, несмотря на неослабевающие протесты родных. За месяц до свадьбы Дороти заболела оспой, которая обезобразила и чуть не свела ее в могилу.

Поначалу супруги поселились в Ирландии, где у них родились восемь или девять детей (по меньшей мере шестеро умерли в младенчестве, но точные свидетельства тому не сохранились). В 1665 г. сэр Уильям был направлен посланником в Нидерланды, где семья прожила до 1671 г. Дороти и сэр Уильям сыграли закулисную роль в улаживании брака Вильгельма Оранского и Марии Стюарт, дочери герцога Йоркского, которая правила Англией, Шотландией и Ирландией с 1689 г. Дороти оставалась доверенным лицом Марии вплоть до смерти последней в 1694 г.

Дороти умерла в 1695 г. в Мур-Парке, суррейском поместье, которое сэр Уильям купил после своей отставки. Ее похоронили в Вестминстерском аббатстве. Жизнерадостные и остроумные письма Дороти неоднократно публиковались начиная с 1836 г., когда за ней закрепилась репутация обладательницы литературного дарования.

Дороти Осборн (Темпл) – сэру Уильяму Темплу

Для того чтобы я была довольна мужем, необходимо великое множество составляющих. Во-первых, как говорит мой кузен Франклин, его нрав и настроения должны соответствовать моим, а для этого он должен получить такое же воспитание, как и я, и привыкнуть к подобному обществу. Иными словами, ему не следует быть помещиком настолько, чтобы не интересоваться ничем, кроме соколов и гончих, и любить тех и других более своей жены; не должен он принадлежать и к тем людям, предел устремлений которых – должность мирового судьи, не должен быть старшим шерифом, который не читает ничего, кроме свода законов, и ничему не учится, кроме как украшать свою речь латынью, смущая умы бедных спорщиков-соседей и скорее запугивая их, чем убеждая. Не должен он быть и существом, которое начинает познавать мир в бесплатной школе, прямо из нее поступает в университет, достигает зенита своей карьеры в «Судебных иннах», не имеет знакомств за пределами профессиональных кругов, говорит на французском, почерпнутом из старых законов, не восторгается ничем, кроме историй, давным-давно покрытых паутиной. При этом он не должен быть и городским любезником, который всю жизнь проводит в тавернах и за игорным столом, не может представить себе, как провести вне общества хотя бы час, разве что во сне, ухлестывая за каждой женщиной, какую только видит, считает, что ему верят, осмеивает всех и в равной степени оказывается осмеянным. Не годится и месье путешественник с ветром в голове и на ней, не способный говорить ни о чем, кроме танцев и дуэтов, смелости которого хватает лишь на то, чтобы разодеться в пух и прах, когда всем

вокруг и смотреть-то на него неловко. Ни в коем случае он не должен быть глупцом, брюзгой, злонравцем, гордецом или скупцом. Ко всему этому надлежит присовокупить, что он должен любить меня, а я его так, как мы только можем. В отсутствие всех этих условий его состояние, каким бы внушительным оно ни было, никогда не удовлетворит меня, а при выполнении всех этих условий даже самое скромное состояние помешает мне раскаиваться в моем расположении.

Дороти Осборн (Темпл) – сэру Уильяму Темплу

Уверена, Вам будет еще приятнее узнать, как полюбился мне Ваш локон. Признаюсь совершенно искренне и отнюдь не ради комплимента: я никогда не видела более шелковистых волос более красивого оттенка, но умоляю Вас больше не стричь их – я вовсе не хочу, чтобы они пропадали зря. Если Вы любите меня, берегите их. Целый день я расчесываю, завиваю и целую этот локон, он снится мне ночами. Кольцо тоже прелестно, но немного великовато. Пришлите мне черепаховое, размером чуть меньше, чем отправленный Вам образец. Я не стала бы утверждать, что все жесткие волосы без исключения говорят о дурном нраве, ибо это относилось бы и ко мне. Но я готова признать, что все мягкие волосы принадлежат добрым людям, таким, как Вы, или же я обманываюсь так же, как и Вы, если Вы считаете, что я недостаточно сильно люблю Вас. Скажите, дражайший мой, так ли это? Вы не ошибаетесь, если считаете, что я

Ваша

Нелл Гвинн

(1651 (?)–1687)

...не скрою, что в любой компании я пью за ваше здоровье, ибо люблю вас всей душой.

Нелл Гвинн – самая известная из множества любовниц короля Карла II. О детстве и ранней юности Нелл почти ничего неизвестно, хотя ее завистники распускали всевозможные слухи, называя ее то бывшей торговкой рыбой, то угольщицей, то служанкой в публичном доме. Распространено мнение, что в 1663 г. она поначалу продавала в театре апельсины. Сэмюэл Пипс впервые увидел ее на сцене Друри-Лейн в декабре 1666 г.

До и после знакомства с королем у Нелл было немало любовников из числа аристократов (приведенное далее письмо адресовано Лоуренсу Хайду, впоследствии графу Рочестеру, который находился в Гааге с дипломатической миссией в мае и июне 1678 г.). Любовницей Карла II Нелл стала в 1668 или 1669 г., а в мае 1670 г. родила ему сына Чарльза. Тем же летом для нее сняли великолепный особняк на Пэлл-Мэлл, признавая ее положение одной из королевских любовниц (увы, не единственной). В 1671 г. в этом особняке родился ее второй сын Джеймс. Нелл упорно добивалась титулов для своих детей, и в 1676 г. Чарльз получил фамилию Боклерк и титул барона Хеддингтона и графа Берфорда.

У Нелл были влиятельные друзья при дворе, но были и недруги, которые с нескрываемым презрением относились к ее низкому происхождению, сомнительному роду деятельности, жизнерадостности и недостатку светских манер. Ее заклятым врагом была еще одна любовница короля, Луиза де Керуаль, герцогиня Портсмутская – француженка и католичка, к которой широкая публика относилась крайне неприязненно. Известен случай, когда карету Нелл окружила разъяренная толпа, считая, что она принадлежит герцогине. Собравшиеся утихомирились лишь после того, как Нелл высунулась в окно и весело крикнула: «Прошу вас, добрые люди, умолкните! Это я, протестантская потаскушка!»

Карл II умер в 1685 г. Поговаривали, будто его последними словами были «не дайте бедной Нелл помереть с голоду». Его преемник, Яков II, назначил Нелл щедрую пенсию. В 1687 г. она умерла в доме на Пэлл-Мэлл. Подтверждая свою репутацию

благотельницы, она завещала 100 фунтов должникам своего прихода, 20 фунтов в год – на освобождение должников из тюрем каждое Рождество, а 50 фунтов – бедным католикам, «дабы явить милость к тем, кто отличается от меня Верой». В своих мемуарах историк и епископ Гилберт Бернет называл Нелл «самым буйным и несдержанным существом, какое когда-либо появлялось при дворе». Вероятно, этим и объясняется продолжительность ее связи с королем, известным своим пристрастием к веселью.

Нелл Гвинн – Лоуренсу Хайду (впоследствии граф Рочестер) (ок. 1678 года)

Прошу, дорогой мистер Хайд, простить, что не писала вам раньше по той причине, что болела три месяца и с тех пор, как поправилась, мне нечем развлечь вас и не о чем писать, но не скрою, что в любой компании я пью за ваше здоровье, ибо люблю вас всей душой. В Пэлл-Мэлле мне теперь живется уныло, я потеряла сэра Карра Скропа (сэр Карр Скроп – остряк из окружения Карла II. – *Примеч. ред.*) и больше уж не увижу, ибо он сказал мне, что не может всегда жить в такой спешке и стал неучтив, а я не терплю такого от противных *baux garsson*. Мать мисс Найтс (певица, соперничающая за внимание Карла II. – *Примеч. ред.*) померла, только почестей ей от этого не больше, чем миледи Гринс. Милорд Рочестер (Джон Уилмот, поэт и любитель эпатажа, умерший спустя два года. – *Примеч. ред.*) укатил в деревню. М-р Сэвил (Генри Сэвил, будущий вице-камергер. – *Примеч. ред.*) был в беде, но уже справляется и женится на наследнице, и думается мне, та скажется больной всякий раз, стоит ему шевельнуть пальцем. Милорд Дорсет (бывший покровитель Нелл. – *Примеч. ред.*) похоже и трех месяцев не протянет, ибо хлещет эль с Шедуэллом (Томас Шедуэлл, поэт и еще один собутыльник Карла II. – *Примеч. ред.*) и м-ром Харрисом (Джозеф Харрис, актер. – *Примеч. ред.*) у герцога дни напролет. Милорд Берфорд (сын Нелл от короля. – *Примеч. ред.*) кланяется вам. Милорд Боклерк (Боклерк, второй сын Нелл от короля. – *Примеч. ред.*) едет во Францию. Мы ужинаем с королем и миледи Харви в Уайтхолле. Король кланяется вам. Ну а теперь о

государственных делах, ибо мы еще никогда не действовали хитрее, чем сейчас, и сами не знаем, мир будет или война, но я за войну только затем, чтобы вы возвратились домой. У меня еще найдется тысяча веселых слов, но мне нипочем не заставить ее написать их^[1], так что радуйтесь и тому, что есть. До свидания. Ваша самая любящая, покорная, верная и смиренная слуга Э. (Элеонор. – *Примеч. ред.*) Г.

Леди Мэри Пиррпонт (леди Мэри Уортли Монтегю) (1689–1762)

*То, что мы делаем, приводит меня в трепет. Вы и
вправду будете любить меня вечно?*

Мэри Пиррпонт была старшим ребенком Ивлина Пиррпонта, позднее – первого герцога Кингстон-апон-Халла, и леди Мэри Филдинг. Мать Мэри умерла в 1692 г., родив еще троих детей, которых вырастила бабушка с отцовской стороны. Когда Мэри было девять лет, ее бабушка умерла, дети остались на попечении отца. Позднее Мэри писала, что получила образование «украдкой» в библиотеке его ноттингемширского поместья Торсби-Холл.

В юности одной из ближайших подруг Мэри была Энн Уортли, с которой Мэри поддерживала постоянную переписку. После смерти Энн в 1710 г. переписка продолжалась с ее братом, Эдвардом Уортли Монтегю, который вскоре попросил у отца Мэри ее руки. Ему было отказано: Пиррпонт настаивал, что поместье Уортли Монтегю должно стать майоратным и достаться будущему первенцу, а Эдвард решительно возражал против этого.

В августе 1712 г., после того как отец начал все настойчивее требовать, чтобы Мэри вышла за обладателя карикатурного имени Клотуорти Skeffingtona, наследника ирландского пэра, Эдвард и Мэри сбежали. Они поженились 23 августа 1712 г. Приведенные ниже письма датированы периодом между нервной подготовкой к побегу и бракосочетанием. Обеспокоенность Мэри затеей, в которую она ввязалась, очевидна; до конца своих дней она была глубоко признательна мужу за то, что он женился на ней без приданого.

Первые два года супружеской жизни пара жила в загородном поместье. В мае 1713 г. Мэри родила сына, также названного Эдвардом. В то время Мэри уже писала стихи и критические статьи и стала первой женщиной, вклад которой в литературу признал журнал *Spectator*. В 1715 г. супруги Уортли Монтегю переселились в Лондон и стали видными фигурами при дворе Георга I. У Мэри завязались дружеские отношения с политиками и представителями творческих кругов, в том числе с Джоном Геем и влюбленным в нее Александром Поупом. В декабре того же года Мэри заболела оспой и еле выжила, но навсегда осталась

обезображенной.

В августе 1716 г. Эдвард Уортли Монтегю получил дипломатический пост в Константинополе в Турции. Супруги отправились туда по суше. Путешествие заняло около шести месяцев. Мэри писала многочисленные письма с описанием страшных условий, в которых протекало путешествие, и оставляла себе копии с намерением когда-нибудь составить из них книгу. В Турции она углубилась в изучение местной литературы, культуры, обычаев и религии. Так продолжалось до тех пор, пока в июле 1718 г., через шесть месяцев после рождения дочери, ее мужа неожиданно не вызвали в Лондон.

После возвращения супругов в Англию Эдвард, часто уезжавший по делам в Йоркшир, купил дома в Туикенеме и Ковент-Гардене, где Мэри почти все свое время посвящала литературному труду, садоводству и обучению дочери. Кроме того, она написала ряд стихотворений об угнетении женщин и отредактировала письма, написанные ею в путешествии. По неизвестным причинам между ней и ее бывшим другом и поклонником Александром Поупом вспыхнула яростная вражда. Самым важным и долгосрочным делом Мэри было введение прививок от оспы в Англии. О них она узнала в Турции, где прививание живого вируса было распространенной практикой. Во время пребывания в Турции Мэри сделала прививку сыну, а во время эпидемии оспы, вспыхнувшей в Англии в 1721 г., убедила врача привить ее дочь. Вскоре многие ее знакомые, родственники которых унесла болезнь, тоже согласились сделать детям прививки. Эта практика неуклонно распространялась, но вместе с тем отношение к ней оставалось весьма противоречивым. Пропаганда прививок, которую проводила Мэри, привела к тому, что ее саму порицали в газетах и даже с кафедр как мать, лишенную естественных чувств, которая рискует жизнью родных детей во имя подтверждения бредовой теории. Но Мэри осталась непреклонна и побуждала других матерей прививать детей от болезни, которая чуть не убила ее саму.

Последние годы жизни Мэри провела, почти не видясь с мужем. В 1736 г. она влюбилась в блистательного молодого писателя-венецианца Франческо Альгаротти и отправилась в Италию, надеясь, что им суждено общее будущее. В течение следующих нескольких лет ее местожительство всецело зависело от ее спутника. Она побывала в Риме, Неаполе, Флоренции, Венеции и Турине, четыре года прожила в Авиньоне, десять лет – в венецианской провинции Брешиа, где стала, по сути дела, пленницей высокопоставленного разбойника и головореза Уголино Палацци, который отнял у нее все драгоценности и

купчие на приобретенную ею собственность. Мэри вернулась в Лондон в 1762 г., проведя за границей почти тридцать лет. В августе того же года она умерла в Мэйфейре и была похоронена в церкви Гровнор на Саут-Одли-стрит.

Несомненно, леди Мэри Уортли Монтегю имела задатки великого писателя, но ее труды настолько разнообразны по форме – письма, дневники, полемические заметки, пьесы, стихи, очерки – и так разрозненны, что процесс их оценки далек от завершения.

Леди Мэри Пиррпонт (леди Мэри Уортли Монтегю) – Эдварду Уортли Монтегю (25 апреля 1710 года)

Я сию минуту получила два Ваших письма. Не знаю, куда отправлять ответ: в Лондон или в деревню. Вполне вероятно, что это письмо Вы так и не получите. Я сильно рискую, если оно попадет в чужие руки, и пишу, постоянно помня об этом.

Я всей душой желаю придерживаться того же мнения, что и Вы. Я стремлюсь убедить себя в правоте Ваших доводов, сожалею о том, что так настаиваю на своем и не желаю впасть в заблуждение, что для мужчины невозможно уважать женщину. Полагаю, в этом случае мне следовало бы легко мириться с Вашим отношением ко мне, благодарить за дарованное мне остроумие и красоту, не сетовать на глупости и слабости, но, к моему бесконечному сожалению, я не в состоянии поверить ни в то, ни в другое.

С одной стороны, мой характер не настолько хорош, а с другой – не так плох, как можно вообразить. Если мы когда-нибудь поселимся вместе, Вы разочаруетесь и в том и в другом, обнаружите и неожиданную уравновешенность нрава, и тысячи изъянов, которые невозможно представить.

Вы думаете, если Вы женитесь на мне, я сначала страстно увлекусь Вами, а уже в следующий месяц выберу кого-нибудь еще. Ни того, ни другого не произойдет. Я умею проявлять уважение, умею быть другом, но не знаю, способна ли я любить. Можете ждать от меня любезности и покладистости, но не увлеченности. Вы совершенно превратно судите о моих сердечных наклонностях, полагая, что я способна действовать исходя из

корыстного интереса и по этой причине лстить кому-либо.

Даже будь я самым нуждающимся существом в мире, я ответила бы Вам так же, как сейчас, ничего не убавляя и не прибавляя. Я не склонна к притворству, потому что не способна на него. Обманув кого-нибудь, я навсегда упала бы в собственных глазах. И кто смог бы жить рядом с человеком, которого он презирает?

Если Вы решите жить вместе с компаньоном, который будет со всем почтением относиться к превосходству Вашего здравомыслия, и если Ваше предложение не встретит возражений у тех, от кого я завишу, у меня нет оснований противиться.

Что касается путешествий, то я отправлюсь в них с превеликим удовольствием и по Вашему слову без колебаний покину Лондон. Но уединенная жизнь в деревне неприемлема не столько для меня. Я знаю, что через считанные месяцы она наскучит Вам. В обоюдных интересах людей, связанных на всю жизнь, не надоедать друг другу. Даже обладай я всем личным обаянием, о котором мечтаю, миловидное лицо – слишком непрочный фундамент для счастья. Вам вскоре надоеет изо дня в день созерцать одно и то же там, где больше не на что смотреть. На досуге Вы будете отмечать все изъяны, количество которых начнет увеличиваться по мере уменьшения новизны, самой по себе обладающей немалой притягательностью. Я буду иметь неудовольствие замечать холодность, за которую не смогу резонно винить Вас, так как она безотчетна. Тем не менее она будет внушать мне тревогу, в особенности потому, что если любовь может возродиться, как только исчезнет разлука, непостоянство и даже неверность, то избавиться от неприязни, вызванной пресыщенностью, невозможно.

Мне бы не хотелось жить в суете и толкотне. Меня вполне устроила бы жизнь в Лондоне почти в безвестности и встречи не более чем с восемью или девятью приятными знакомыми. Об апартаментах, столе и проч. я даже не думаю. Но я не могу помыслить о том, чтобы решиться на что-либо без согласия моих родных, и советую Вам не воображать счастья в полном одиночестве, поскольку оно будет лишь воображаемым.

Не отвечайте на это письмо. Если Вы в состоянии любить меня на моих условиях, делать предложение Вы должны не мне. В таком случае к чему наша переписка?

Но не лишайте меня Вашей дружбы, которая доставляет мне немалое удовольствие и тешит тщеславие. Если Вы когда-либо увидите меня замужней, льщу себя надеждой, что Вы узрите поведение, подражание которому Вашей супруги Вы не сочтете ззорным.

Леди Мэри Пиррпонт (леди Мэри Уортли Монтегю) – Эдварду Уортли Монтегю (15 августа 1712 года, вечер пятницы)

То, что мы делаем, приводит меня в трепет. Вы и вправду будете любить меня вечно? Не раскаемся ли мы? Страшусь и надеюсь. Я предвижу все, что может произойти далее. Своих близких я приведу в сильнейшую ярость. Весь мир будет порицать мой поступок, родные и друзья выдумают тысячи сплетен обо мне. В письме (которое мне полюбилось) Вы обещаете мне все, чего я только пожелаю. Дописав до этого места, я получила Ваше пятничное письмо. Я буду только Вашей и сделаю все, что Вы пожелаете.

Постскриптум. Завтра я снова напишу Вам, но не для того, чтобы спорить, а чтобы дать некоторые указания. Мое решение принято. Любите меня и обращайтесь со мной хорошо.

Леди Мэри Пиррпонт (леди Мэри Уортли Монтегю) – Эдварду Уортли Монтегю (16 августа 1712 года, суббота, утро)

Вчерашнее письмо я написала Вам в порыве страсти. Мне вновь становится страшно. Признаться, я труслива. Вы не ответили на ту часть письма, где говорится о моем состоянии. Боюсь, Вы льстите себя надеждой, что мой отец наконец смирится и согласится на разумные условия. То, что я слышала от него в других случаях, подобных этому, убедило меня, что он не согласится никогда. Размеры состояния, предназначенного для меня, для моего брата и для моей сестры, определены, но таким образом, что отец наделен властью либо отдать его целиком одному из нас, либо разделить так, как сочтет нужным. Он отдал его мне. Для моей сестры не осталось ничего, кроме того, что отец уделит ей от щедрот из своих накоплений, которые, несмотря на размеры его поместья, весьма невелики. Возможно, после того, как я пойду наперекор его желаниям, он будет только рад случаю без труда обеспечить сестру уже собранными деньгами, в особенности если, как я слышала, уже сам замыслил жениться.

Я говорю все это не к тому, что Вам не следует стремиться прийти с ним к согласию, если Вам угодно, тем не менее я всецело убеждена, что эти попытки бесполезны. Он сможет резонно возразить, что я не препятствовала этому браку, что поставила его в чрезвычайно глупое положение, позволила ему потратить четыреста фунтов на свадебный наряд, который видела, но не сказала ни слова. Когда я впервые заявила, что против этого брака, он сразу же сказал, что я наверняка что-то задумала. Я отвергла его предположение, сказав чистую правду, но Вам уже известно, как мало пользы это принесло. Он сказал, что никогда не вступит в сговор с другим мужчиной и пр., что меня немедленно отправят на Север и оставят там, а после смерти он завещает мне ренту всего в четыреста фунтов.

Мне не хватило духу противостоять ему, и я подчинилась его желаниям. Теперь он сможет возразить: если уж я намерена выйти замуж подобным образом, почему я не настояла на своем первом решении? Сбежать из Торсби мне было бы так же легко, как отсюда. Зачем же я ввела его и джентльмена, за которого собиралась замуж, в такие расходы и т. п.? Он изыщет тысячу убедительных причин оставаться непримиримым, и, вполне вероятно, мир будет на его стороне. В последний раз задумайтесь

о том, какой Вам придется взять меня. Я выйду к Вам в одной ночной сорочке и нижней юбке, и это все, что Вам достанется вместе со мной.

Я поделилась своими намерениями с одной из подруг. Вы наверняка сочтете ее преданной подругой, когда узнаете, что она предложила нам на первую ночь свой дом. Я не стала принимать предложение, прежде не известив о нем Вас. Если Вы считаете, что удобнее будет увезти меня к Вам, не стесняйтесь. Будь что будет: став Вашей женой, я сочту подходящим для себя любое место, где находитесь Вы. Умоляю только, чтобы мы покинули Лондон следующим утром, куда бы Вы ни пожелали отправиться. Я готова покинуть и Англию, если это согласуется с Вашими намерениями. Никто не знает нрав Вашего отца лучше, чем Вы сами. Если Вы сочтете, что это Ваша обязанность перед ним или необходимость для Вас, я немедленно отправлюсь вместе с Вами просить его прощения и благословения. Если это неприемлемо, думаю, лучше всего будет отправиться на воды. После возвращения попробуйте уговорить Вашего отца принять меня и поговорите с моим (хотя я по-прежнему считаю этот разговор бесцельным). Однако я и помыслить не могу, что мне придется жить среди родных и знакомых после столь непростительного шага. Непростительного по меркам мира. Но, пожалуй, я смогу оправдаться перед самой собой.

Вновь прошу Вас нанять экипаж, с тем чтобы рано утром в понедельник он уже стоял у дверей и мы могли проделать в нем часть пути, какую бы дорогу Вы ни выбрали. Если Вы решите отправиться в дом той дамы, лучше приезжайте в карете, запряженной шестеркой, завтра к семи часам. Мы с ней будем на балконе, обращенном к дороге; Вам останется лишь остановиться под ним, и мы спустимся к Вам. Вы сами можете поступить так, как сочтете нужным. И, наконец, задумайтесь как следует. В Вашем письме, которого я буду ждать с нетерпением, должно быть определено все до мелочей. Я простила Вам неучтивое выражение в предыдущем, но в следующем не желала бы его видеть. Ту же мысль Вы могли бы выразить иным способом, но в остальном письмо было настолько любезным, что я полностью удовлетворена. Я не останусь равнодушной ни к одному проявлению Вашей доброты. И все-таки подумайте еще раз и дайте себе слово никогда не вспоминать обо мне, если чувствуете хоть малейшее сомнение или тревожитесь за свою судьбу. Я считаю, что путешествия – самый верный способ насладиться отрадным, а не утомительным уединением. Помните, что Вы его обещали.

Женщине, которая ничего не принесла с собой, не следовало

бы ничего ожидать, но я считаю своим долгом жить так, как в некоторой степени предписано моим образованием. Я скорее умру, чем снова попаду в зависимость от родных, которых я ослушалась. Если Вы любите меня, избавьте от подобных опасений. Если это не в Ваших силах или если Вы считаете, что я не должна рассчитывать на это, будьте откровенны, сообщите заранее. Лучше я вовсе не буду Вашей, чем поплачусь за недолгое счастье годами горя. Надеюсь, повода для таких предостережений в дальнейшем не представится, и тем не менее сделать их было необходимо. Я всецело полагаюсь на Ваше благородство и не могу подозревать Вас в неверных поступках. Не думайте, будто я способна рассердиться на что-либо, сказанное мне. Будьте откровенны. Не обманывайте женщину, которая жертвует всем, что имеет, ради Вас.

Абигейл Смит (Адамс)

(1744–1818)

В сердце у меня веселье, которое прежде было мне чуждым. Кажется, что солнце светит ярче, птицы щебечут мелодичнее...

Абигейл Смит, родившаяся в Уэймуте, штат Массачусетс, была дочерью священника Уильяма Смита и Элизабет Куинси. Ее отец активно занимался политикой, был вхож в правительственные круги, на протяжении сорока лет был спикером законодательного собрания Массачусетса. Абигейл выросла, не получив официального образования, но отец и дед со стороны матери поощряли ее страсть к чтению книг, имевшихся в их обширных библиотеках.

В 1764 г. Абигейл вышла за гарвардского юриста Джона Адамса. Они поселились на ферме неподалеку от Бостона и того места, где родился Адамс. В городе у него появилась юридическая практика. В 1774 г. Джон Адамс отправился в Филадельфию на первый континентальный конгресс в качестве делегата от Массачусетса, с тех пор супруги на протяжении всей жизни вели переписку, отправив друг другу в общей сложности более 1100 писем. Этот бесценный клад сведений позволяет составить представление о взаимоотношениях супругов и том наполненном удивительными событиями времени, в котором они жили.

После службы в континентальном конгрессе, где он сыграл видную роль в составлении проекта и представлении Декларации независимости, Джон Смит был отправлен сначала во Францию, а затем в Великобританию в качестве первого посланника США при Сент-Джеймском дворе. Большую часть времени с 1778 по 1785 г. он провел за границей. Джон и Абигейл продолжали писать друг другу, несмотря на трудности доставки почты через океан. Джон держал жену в курсе международных дел, она извещала его о том, что происходило на родине – как на государственном, так и на домашнем уровне. Абигейл присоединилась к мужу в 1783 г., побывала в Париже и в Лондоне, где супругов принял король.

В 1789 г. Джон Адамс стал первым вице-президентом США, а в 1797 г. был избран вторым президентом страны. В Белом доме мистер и миссис Адамс прожили всего четыре месяца, с ноября 1800 г., причем Абигейл прославилась тем, что все это время

развешивала семейное белье на просушку в неотделанном Восточном зале. Муж регулярно советовался с ней по политическим вопросам. Ее влияние было настолько велико, что пресса всю критикувала ее и приклеила насмешливое прозвище Миссис Президент. Эти навязшие в зубах нападки в ходу до сих пор. После того как на перевыборах президент проиграл Томасу Джефферсону, вместе с Абигейл он переселился в Массачусетс, где прожил до конца своих дней. Абигейл умерла в 1818 г., за шесть лет до того, как ее сын Джон Куинси Адамс стал шестым президентом США.

Приведенные далее письма дают лишь самое приблизительное представление об увлекательной переписке между этими преданными супругами. Во втором из представленных писем, написанном в тот период, когда Конгресс составлял текст Декларации независимости, Абигейл призывает мужа помнить «о дамах и проявлять к ним больше великодушия и благосклонности, чем делали Ваши предки. Не наделяйте мужей неограниченной властью. Помните: все мужчины способны быть тиранами, если им дана такая возможность».

Абигейл Смит (Адамс) – Джону Адамсу (19 августа 1774 года, отправлено из Брейнтри)

Нас разделяет огромное расстояние, поэтому мне кажется, что время тянется бесконечно. Можно подумать, прошел уже целый месяц с тех пор, как Вы оставили меня. Из-за непрекращающихся тревог за мою страну, за Вас и за нашу семью мои дни утомительны, а ночи беспокойны. Со всех сторон обступают скалы и зыбучие пески. Путь, который можешь выбрать и выберешь, сокрыт в лоне будущего. Неуверенность и ожидания лишают дальновидности. Случалось ли когда-либо королевству или стране вновь обрести свободу после вторжения противника и избежать кровопролития? Не могу думать об этом без страха.

Но все мы знаем, что злоключения Спарты были следствием чрезмерной озабоченности сиюминутным спокойствием; в избыточной любви к миру ее граждане пренебрегли средствами, которые могли бы упрочить и продлить его. Им следовало бы обдумать высказывание Полибия о том, что нет ничего более желанного и благоприятного, чем мир, в основе которого лежат правосудие и честь, но нет ничего более постыдного и в то же время пагубного, чем мир, достигнутый ошибочными мерами и купленный ценой свободы. <...>

С тех пор как Вы оставили меня, я пристрастилась к чтению древней истории Роллена. Я решила одолеть ее целиком, если удастся сделать это в дни моего уединения. Она доставляет мне немало удовольствия и развлекает. Я уговорила Джонни прочитывать мне в день по одной-две страницы, и, надеюсь, он не откажет мне в излюбленном развлечении. У нас прошел чудесный дождь, который продолжался 12 часов и прямо-таки воскресил

умирающие плоды земли.

Очень хочется получить весточку от Вас. Мне не терпится увидеть Вас там, где развиваются события. Первое сентября или весь сентябрь, вероятно, имеет такое же значение для Великобритании, как мартовские иды для Цезаря. Желаю Вам всех общественных и личных благ и мудрости, которая полезна и для указаний и наставлений, дабы помочь Вам преодолеть эти трудные времена. Маленькое стадо помнит папу и очень хочет увидеть его. Как и Ваша безмерно любящая

Абигейл Адамс

Абигейл Смит (Адамс) – Джону Адамсу (31 марта 1776 года, отправлено из Брейнтри)

Мне бы хотелось, чтобы Вы когда-нибудь написали мне письмо хоть вполовину такое же длинное, как те, что я пишу Вам; сообщите, если это возможно, куда девался Ваш флот? Каким образом Виргиния может обороняться от нашего общего врага? Позволяет ли ее расположение рассчитывать на оборону? А знать и простолюдины вовсе не такие нецивилизованные варвары, какими представляют нас в Британии? Надеюсь, там не все такие же, как их яростно, кровопролитно бреющиеся стрелки.

Я готова приписать колонистам великую честь основания Вашингтона, если бы они не потерпели такую постыдную неудачу с Данмором.

Порой я готова поверить в то, что стремление к свободе не может быть столь же сильным в груди тех, кто привык отнимать ее у своих близких. Уверена, здесь и близко нет христианской великодушной заповеди, согласно которой поступать с окружающими следует так, как мы хотели бы, чтобы окружающие поступали по отношению к нам.

В Бостон Вам лучше не ездить; я боюсь оспы, иначе давно побывала бы там. Я отправила мистера Крейна в наш дом посмотреть, что с ним стало. Оказалось, его занял один полковой врач. В доме очень грязно, но в остальном он не пострадал. Немногочисленный скарб, оставленный в нем, бесследно пропал. Кранч так и не привез ключ. Я написала ему об этом, решив как можно скорее привести дом в порядок и заколотить. Я считаю его вновь приобретенной собственностью, за которую месяц назад я не дала бы и шиллинга и была бы рада, если бы она сгорела.

Город в целом остался в лучшем состоянии, чем мы ожидали, скорее ввиду обращения в бегство, нежели из уважения к жителям; лишь кое-кто из соображений благородства и справедливости оставил плату за аренду в домах, которые занимал, для хозяев, за неповрежденную мебель или за ущерб и его возмещение.

Но остальные учинили ужасающий разбой. Особняк Вашего президента цел, обстановка не пострадала, но дом и мебель прокурора стали добычей его собственных безжалостных сторонников. Должно быть, даже злые демоны благоговейны и почтительны перед добродетелью и патриотизмом и ненавидят измену и предательство.

С приближением весны я чувствую себя совсем иначе, чем месяц назад. Мы не знали, можно ли со спокойной душой сажать и сеять, сумеем ли мы пожать плоды наших трудов, можно ли обосноваться в наших собственных домах, не погонят ли нас от побережья строить убежища в глуши, но теперь нам кажется, что нам не помешают сидеть под своими лозами и есть плоды нашей земли.

В сердце у меня веселье, которое прежде было мне чуждым. Кажется, что солнце светит ярче, птицы щебечут мелодичнее, природа приобретает более жизнерадостный вид. Мы остро ощущаем временный мир, несчастные беженцы возвращаются в свои пустующие жилища.

Мы ликуем, мы разделяем чувства тех, кто не дрогнул и не отдал Бостон. Но этого не случилось бы, если бы ими завладели малодушие и трусость. Им было дано время и предостережение, чтобы разглядеть Зло и избежать его. Я жду, когда Вы провозгласите независимость, и, кстати, хочу, чтобы при составлении нового свода законов, полагаю, необходимого для Вас, Вы помнили бы о дамах и проявляли к ним больше великодушия и благосклонности, чем делали Ваши предки. Не наделяйте мужей неограниченной властью. Помните: все мужчины способны быть тиранами, если им дана такая возможность. Если дамам не будет уделено особое внимание и забота, мы готовы поднять бунт, и нас не остановят законы, по которым мы не имеем ни голоса, ни представительства.

То, что подобные Вам – тираны по своей природе, – истина, которую невозможно оспаривать, так часто она получала подтверждение, но такие люди, как Вы, наверняка с радостью поменяют суровый титул Хозяина на более ласковый и приятный титул Друга. Так почему бы не прекратить власть злых и необузданных, обращающихся с нами жестоко, безнаказанно подвергающих унижениям? Здравомыслящие мужчины всех времен питали отвращение к обычаям, предписывающим обращаться с нами как со слугами подобных Вам. Относиться к нам как к существам, вверенным Вашему попечению и отданным под защиту Вас, подобных высшим существам, – значит употребить эту власть только для нашей радости.

Абигейл Смит (Адамс) – Джону Адамсу (5 апреля 1776 года, отправлено из Брейнтри)

Не имея возможности отправить это письмо, припишу к нему еще несколько строк, но уже с тяжелым сердцем. Я навестила нашу соседку Трот, горю которой я сочувствую, но не могу описать: в одну неделю она лишилась двух прелестных ребятишек. Старший Джордж умер в среду, а самый младший, Билли, – в пятницу, оба – от скарлатины, ужасного недуга, очень похожего на ангину, но протекающего иначе. Бетси Кранч была очень плоха, но уже поправляется. Бекки Пек, говорят, до завтра не доживет. Сейчас многие взрослые страдают той же хворью. На нашей улице пятеро. Она свирепствует и в других городах. Свинка тоже встречается очень часто. Сейчас ею болен Айзек. Наше маленькое стадо пока здорово. Мое сердце трепещет от тревоги за него. Да сохранит их Господь.

Мне хотелось бы получать вести от Вас чаще, чем теперь. Последнее письмо я получила 8 марта. Вы спрашиваете, делаю ли я селитру. Пока не пробовала, но после мыла, пожалуй, рискну. Оказывается, я могу сама обеспечивать одеждой мою семью, которой иначе было бы нечем прикрыть наготу. В этой части города я знаю только одного человека, который так делает. Его зовут мистер Тертиас Басс, у него вес около сотни, и это только на пользу. Я слышала, что есть и другие в разных приходах. Мистер Рид из Уэймута собрался в Эндовер на заводы, которые теперь работают, и уехал. Недавно я видела рукопись, где описан состав разных видов пороха – для пушек, ручного оружия, пистолетов. Если он Вам пригодится, я похлопочу, чтобы с нее сделали список, и пришлю его Вам. Все Ваши друзья передают Вам поклоны, как и все дети. Младший ребенок Вашего брата слег с конвульсиями. Прощайте. Не стану напоминать, насколько преданным Вам другом я являюсь.

Манон Жанна Флипон (мадам Ролан) (1754–1793)

Как часто я перечитываю Ваши письма! Я прижимаю их к сердцу, покрываю поцелуями.

Мари-Жанна Флипон (для друзей – Манон) была дочерью парижского гравера и с детства проявляла живость и пытливость ума. Училась она преимущественно самостоятельно, наиболее заметное влияние на ее жизнь оказали труды Плутарха, а позднее – Руссо.

В 1781 г. Мари-Жанна вышла замуж за Жана Ролана де ла Платьера, инспектора мануфактур, который также писал по вопросам политики и экономики и участвовал в составлении «Энциклопедии» Дидро. Супруги переселились в Лион, где месье Ролан публиковал в местных газетах статьи, проникнутые духом сочувствия к целям Французской революции. В 1791 г. он отправился в Париж за помощью для лионской шелковой индустрии, находящейся в состоянии кризиса, и познакомился со многими видными деятелями революции. Вскоре после этого супруги надолго переселились в Париж. Мадам Ролан стала хозяйкой известного политического салона, где собирались сторонники революции.

В 1792 г., после провозглашения Республики, месье Ролан был назначен министром внутренних дел, но через два дня после казни короля оставил пост. К тому моменту революционеры раскололись на два основных лагеря: экстремистски настроенных якобинцев и более умеренных жирондистов, к которым принадлежали и супруги Ролан. Якобинцы во главе с Робеспьером устроили государственный переворот, что в конце концов привело к террору. Революционный трибунал в ускоренном порядке приговорил жирондистов к казни на гильотине. Мадам Ролан помогла мужу бежать, но в июне 1793 г. сама была взята под стражу и предана суду по обвинению в сочувствии роялистам. В тюрьме она писала мемуары. В них прослеживается развитие ее интеллекта и политических взглядов, а также увлекательно описывается история революции. Мемуары также отражают стремление мадам Ролан найти компромисс между ее представлениями о поведении, приличествующем женщине, и талантом писательницы и интеллектуалки.

8 ноября ее доставили на казнь во Дворец революции. На пути к гильотине она остановилась перед временной глиняной статуей Свободы и крикнула: «О, Свобода, сколько преступлений совершается во имя тебя!» Революционная газета *Le Moniteur* опубликовала следующий некролог: «Она была матерью, но пожертвовала природным предназначением из желания обрести более высокое положение. Стремление стать образованной женщиной побудило ее забыть о добродетелях женского пола, и это упущение, неизменно опасное, привело ее на эшафот». Ее муж успел добраться до Руана, но, услышав о казни жены, закололся на обочине проселочной дороги.

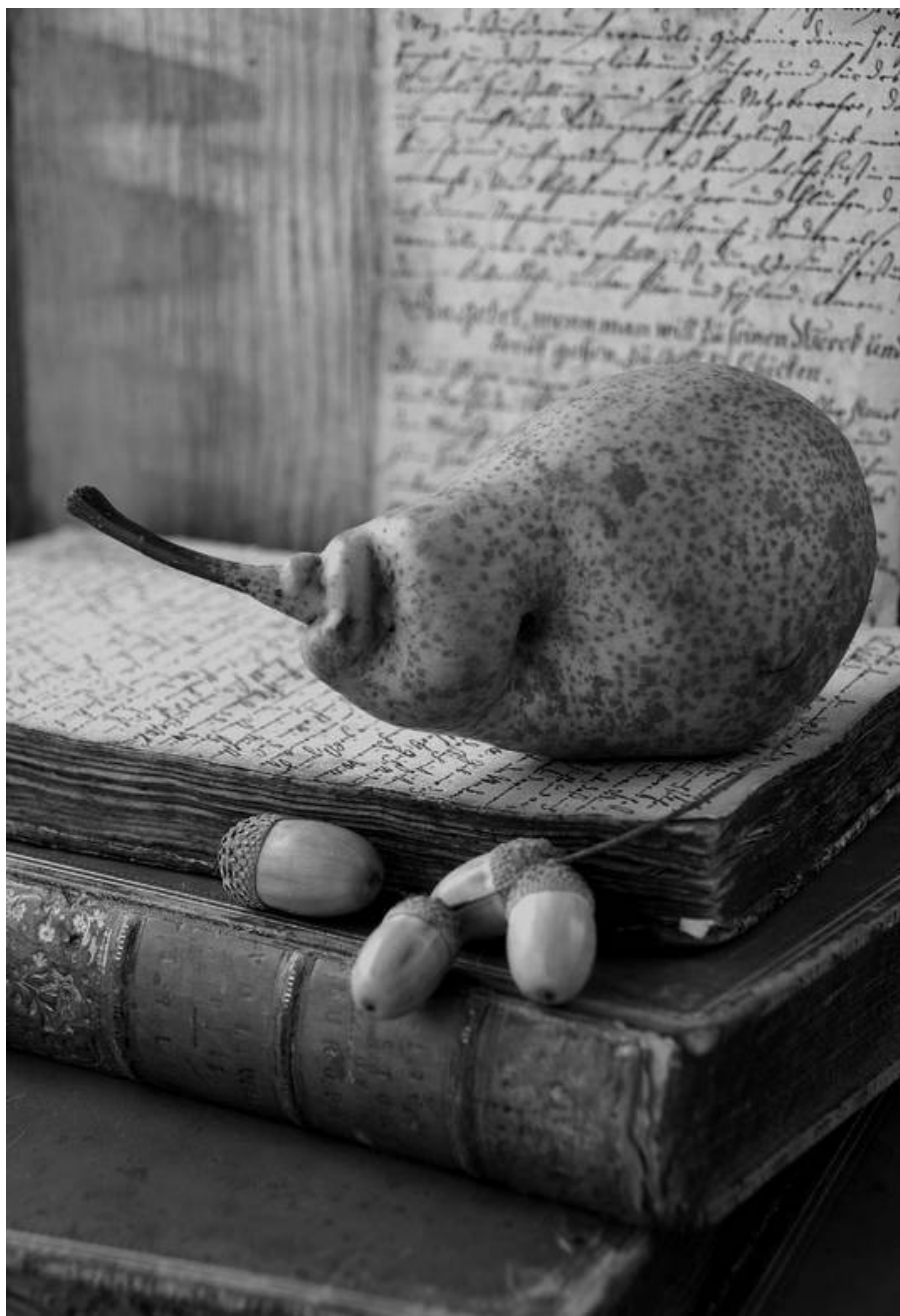
Приведенное ниже письмо адресовано жирондисту Леонарду Бюзо, товарищу супругов Ролан, и, возможно, любовнику мадам Ролан. Он спасался от преследований, но тоже покончил жизнь самоубийством в том же году в лесах Бордо.

**Манон Жанна Флипон (мадам Ролан) –
Леонарду Бюзо
(22 июня 1793 года, отправлено из
тюрьмы)**

Как часто я перечитываю Ваши письма! Я прижимаю их к сердцу, покрываю поцелуями. Больше я ничего не жду. Безуспешно я спрашивала у мадам Шоле, нет ли известий от Вас. Один раз я написала месье ле Телье в Эвр, чтобы подать Вам весточку, что я жива, но почтовое сообщение прервано. Я не хочу ничего посылать Вам напрямую, потому что одного Вашего имени достаточно, чтобы письмо перехватили. В итоге я могу навлечь на Вас подозрения. Как горда и спокойна я была, когда явилась сюда, желая удачи защитникам свободы и возлагая на них надежды. Когда я услышала обнародованный декрет об аресте двадцати двух, я воскликнула: «Пропала моя страна!» Я пребывала в мучительной тревоге, пока не узнала наверняка, что Вы бежали, но декрет о Вашем аресте вновь напугал меня. Весь этот ужас объясняется, несомненно, Вашей отвагой. С тех пор как я узнала, что Вы в Кальвадосе, хладнокровие вернулось ко мне. Не бросайте своих благородных устремлений, мой друг. Брут слишком рано впал в отчаяние, слишком быстро разуверился в безопасности Рима в битве при Филиппах. Пока хоть один республиканец еще дышит, находится на свободе и не утратил смелости, он может, он обязан приносить пользу. В любом случае на юге Франции Вам обеспечено убежище, он станет приютом достойных людей. Туда Вам следует обратить взоры и направить стопы. Там Вы сможете выжить, послужить своим товарищам и найти применение своим добродетелям.

Что до меня, либо я научусь тихо ждать, пока не вернется власть правосудия, либо подвергнусь такому насилию тирании, что мой пример не пропадет даром...

Мария Смайт (миссис Фицгерберт) (1756–1837)

Ах, если бы у Вас был наставник, чтобы оградить Вас от многочисленных опасностей, подстерегающих со всех сторон!

Мария Энн Фицгерберт выросла в Гемпшире в семье бывшего солдата Уолтера Смайта и его жены Мэри Эррингтон, происходящих из католических семей. В возрасте двенадцати лет Марию отправили учиться в парижский монастырь. К 1781 г. она дважды побывала замужем и дважды овдовела, оставшись сравнительно молодой и имеющей средства к существованию.

Принц Уэльский, впоследствии принц-регент и затем король Георг IV, начал добиваться ее расположения в 1784 г. после случайной встречи возле оперного театра. Мария отказалась стать его любовницей, и он принялся умолять ее выйти за него замуж, хотя этому препятствовали три парламентских указа (о престолонаследии, о союзе (унии) и о королевских браках). Миссис Фицгерберт отклонила его предложение и объявила о своем намерении отправиться за границу. Тогда принц, не отличавшийся сдержанностью, предпринял попытку заколоться в своем лондонском особняке Карлтон-Хаус на Пэлл-Мэлл, а затем велел своему врачу и трем друзьям сообщить миссис Фицгерберт, что сорвет повязки, если она не явится к нему немедленно. Она подчинилась, явившись вместе с Джорджианой, герцогиней Девонширской, и взбалмошный принц вырвал у нее обещание выйти за него. После этого миссис Фицгерберт отбыла в Европу.

Пока она была в отъезде, принц засыпал ее письмами, и, хотя миссис Фицгерберт считала клятву, данную по принуждению, не имеющей силы, в конце концов она сжалилась и согласилась стать его женой. Принц организовал тайную церемонию и в начале ноября 1785 г. написал любимой страстное письмо на сорока двух страницах. В следующем месяце миссис Фицгерберт вернулась в Лондон. 15 декабря они поженились в гостиной ее дома на Парк-стрит.

Принц поселил миссис Фицгерберт в доме рядом с собственным на Пэлл-Мэлл, но не сумел спасти супругу от оскорблений и насмешек. Об этой паре напропалую сплетничали в их кругу, в прессе и в парламенте. Временами всплывали ничем не подкрепленные намеки, что миссис Фицгерберт причастна к

заговору католиков против правительства. Еще одну проблему представлял сам принц: он ухитрился влезть в колоссальные долги, превращая Карлтон-Хаус в сказочный дворец. Он выписывал мастеров со всей Европы, вывозил мебель из Китая, сносил ближайшие дома, чтобы возвести пристройки к особняку. Наконец его казначей в ответ на просьбу подсчитать общую сумму долгов ответил, что она «никак не поддается исчислению». Более того, принц не мог не волочиться за дамами, несмотря на все жертвы, на которые решился, чтобы жениться на миссис Фицгерберт. В конце концов недовольный Георг III настоял, чтобы его заблудшему сыну подыскали достойную невесту. Принца принудили сочетаться браком с принцессой Каролиной Брауншвейгской. В апреле 1795 г., ровно через девять месяцев после бракосочетания, Каролина родила их единственного ребенка, принцессу Шарлотту. К тому времени супруги уже жили врозь.

До 1811 г. принц и миссис Фицгерберт еще несколько раз расходились и мирились, а затем произошел окончательный разрыв, после которого они почти не виделись друг с другом. Жизнь принца становилась все более распутной и скандальной, он стал находкой для карикатуристов: невероятно толстый, нарумяненный и расфранченный любитель выпить и сытно поесть. Миссис Фицгерберт написала ему письмо во время его последней болезни в 1830 г. Он был слишком болен, чтобы отвечать, однако в момент смерти на его шее висел миниатюрный портрет любовницы, который положили ему в гроб. Миссис Фицгерберт умерла через семь лет в Брайтоне, до самого конца ведя неприметный образ жизни.

Мария Смайт (миссис Фицджерберт) – принцу-регенту

Сегодня вечером меня уговорила выйти на Стайн^[2] компания, которая пила с нами чай и не захотела слушать никаких оправданий (хотя мне слишком нездоровилось, чтобы выходить из дома), потому что все уже знали, что Ваше [королевское высочество] в подражание одному забавному французу собирается участвовать в скачках, сидя в седле задом наперед! Ах, если бы у Вас был наставник, чтобы оградить Вас от многочисленных опасностей, подстерегающих со всех сторон! Величайшую из них представляют Ваши нынешние компаньоны. Как однажды я видела Вас, подобно новому Гарри:

*Взлетел, словно Меркурий быстроногий,
и так легко вскочил в свое седло,
как ангелы слетели б с облаков,
пришпорил, подхлестнул ретивого Пегаса
и мир очаровал искусством верховой езды...*

Не могу не продолжить сравнения и хочу, чтобы Вы вспоминали порой слова принца:

*Не вздумай насмехаться надо мной,
ведь знают небеса и мир узнает,
что я уже не тот, что раньше был,
и тех отвергну, кто был прежде рядом.*

Прощайте! Позвольте напомнить, что именно Ваше

снисхождение навлекло на Вас замечания
Маргариты

Мария Смайт (миссис Фицгерберт) – принцу-регенту

Вы вынуждаете меня покинуть Б***. Я оскорблена тем, как Вы вели себя вчера. Почему я стремилась уйти? Если бы мы встретились на Стайне, Вы были бы более осмотрительны. Увы! В Вас нет деликатности, на которую я рассчитывала! Говоря о любви, Вы наносите оскорбление, к которому Вы нечувствительны. Ваша дружба подразумевает уважение, но Ваша любовь... Я отдаю ее более достойной, по праву рождения ставшей Вашей женой, и не ропщу, что не мне выпала эта доля в смиренной жизни. Я удовлетворена своим положением: удовлетворенность имеет свою прелесть, которую невозможно выразить. Знаю, что я совершаю ошибку, поддерживая эту переписку; ее следует, ее надлежит прекратить: стало быть, больше не пишите

Маргарите

Мэри Уолстонкрафт

(1759–1797)

*Тогда твои губы становятся мягче мягкого, я
прижимаюсь к твоей щеке и забываю обо всем.*

Мэри Уолстонкрафт (Вулстонкрафт) родилась в довольно состоятельной семье в Спиталфилдзе, районе Восточного Лондона, второй из семи детей. По словам самой Мэри, ее отец был пьяницей и драчуном. Мэри получила скудное образование; ее блестящие знания – результат самодисциплины и упорства.

К тому времени как Мэри повзрослела, ее семья с трудом сводила концы с концами. Мэри пришлось самой зарабатывать на жизнь. Неудачным опытом для нее стала работа учительницей, гувернанткой и компаньонкой, затем она начала писать и в 1787 г. опубликовала свою первую книгу «Мысли об образовании дочерей». Издатель Джозеф Джонсон поручил ей написание очерков для журнала *Analytical Review* и, кроме того, на всю жизнь стал ее другом и наставником. Вероятно, он проявлял к Мэри отеческие чувства в большей степени, чем ее родной отец.

В 80-х гг. Мэри вела ничем не примечательную жизнь литературного ремесленника. Где бы она ни появлялась, все присутствующие изумленно поднимали брови: грубая одежда, шерстяные черные чулки, растрепанные волосы, которые она отказывалась закалывать... Эти первые попытки создать образ, с которым она отождествляла себя, но который не вписывался в рамки женственности (вероятно, предшествующий фазе грубых брюк у феминисток XX в.), стали началом борьбы, которая продолжалась на протяжении всей жизни Мэри.

Первой большой удачей Мэри стала публикация в 1790 г. памфлета «Защита прав человека». Это был ответ на постреволюционную апологию «старого режима» во Франции, написанную Эдмундом Берком. Мэри прославляли как выдающуюся сторонницу радикальных взглядов, но ею вскоре овладело раздражение: несмотря на мнимую просвещенность нового века, прогресса в движении за равные права женщин почти не наблюдалось. Это побудило Мэри за три месяца написать ее самый известный труд – «Защита прав женщин». Опубликованный в 1792 г., он сразу стал международным бестселлером.

В том же году у Мэри произошел неудачный роман с женатым бисексуалом Генри Фюссли (Фузели). Мэри обратилась к жене

Фюссли, Софии, с предложением жить втроем. При этом Мэри должна была выступать в качестве «духовной супруги» Фюссли. Взмешенная София вышвырнула ее вон. Но это не сломило Мэри. Она отправилась в Париж, где познакомилась с капитаном Гилбертом Имли (Имлеем), бывшим американским солдатом, а к тому времени предпринимателем. Он был красив, обаятелен и, как и следовало ожидать, признанным волокитой. К концу 1793 г. Мэри была уже беременна, но после регистрации брака с нею в американском посольстве Имли укатил «по делам». Брошенная и встревоженная Мэри последовала за ним сначала в Гавр, где в мае 1794 г. родилась ее дочь Фанни, затем в Лондон, надеясь создать хоть какое-то подобие семейной жизни. Имли не разделял ее стремлений и постоянно изменял ей. Их неустойчивые отношения продолжались до 1796 г. За это время Мэри дважды пыталась покончить с собой: в первый раз проглотив смертельную дозу опиума (ее спасла служанка), во второй – бросившись в Темзу с моста Патни (ее вытащили два проплывающих мимо лодочника).

После окончательного разрыва с Имли Мэри опубликовала «Письма, написанные в Швеции, Норвегии и Дании» – заметки о своих путешествиях по скандинавским странам. Это было сделано по просьбе Имли, чтобы уладить его дела. Именно тогда Мэри осознала, что у нее с Имли нет будущего, а эта книга, отчасти мемуары, отчасти путевой дневник и отчасти полемические заметки, – ее личный труд.

Знакомство Мэри с радикально настроенным писателем Уильямом Годвином состоялось в 1791 г., но глубокая любовь пришла к ним лишь в 1796 г., когда Мэри совершила крайне смелый (для того времени) шаг, навестив его под тем предлогом, что ей понадобилась какая-то книга. К началу 1797 г. Мэри была беременна, и, хотя и она, и ее партнер враждебно относились к институту брака, в марте они поженились. Их дочь Мэри Уолстонкрафт Годвин, впоследствии – Мэри Шелли, родилась 30 августа. Ее мать умерла от родильной горячки через одиннадцать дней. Ее безутешный муж писал другу: «У меня нет ни малейшей надежды на то, что я когда-нибудь вновь буду счастливым».

В 1801 г. Уильям Годвин женился на своей соседке Мэри Джейн Вайэл, матери Клэр Клэрмон, письма которой к Байрону вошли в этот сборник.

Мэри Уолстонкрафт – Гилберту Имли (1793 год, пятница, утро, отправлено из Парижа)

Я рада узнать, что и другие люди способны быть такими же неблагодарными, как я сама. Да будет тебе известно, что на твое *первое* письмо я ответила в ту же ночь, как получила его (в воскресенье), хотя ты мог получить его не раньше среды, так как его отправили только на следующий день. Вот подробный, достоверный и точный отчет.

Однако я не сержусь на тебя, моя любовь, так как считаю, что это доказательство глупости и пустой привязанности, которая дает такие же результаты, когда нравом управляют угольник и компас. В прямолинейности и однообразии нет ничего живописного, а страсти всегда оправдывают поступки.

Воспоминания заставляют мое сердце стремиться к тебе, но не воспоминания о твоём лице дельца, хотя я не могу всерьёз сетовать на усилия, которые внушают мне уважение или, скорее, каких мне следовало ожидать от тебя. Нет, передо мной твоё честное лицо, смягченное нежностью, слегка... уязвленное моими капризами, и в твоих глазах светится взаимопонимание. Тогда твои губы становятся мягче мягкого, я прижимаюсь к твоей щеке и забываю обо всем. Я не исключу из этой картины колорит любви, розовое сияние; воображение, кажется, расплескало его по моим щекам, ибо я чувствую, как они горят, и слеза восторга блистает в моих глазах, взгляд которых был бы обращен на тебя, если бы признательность к природе, сделавшей меня такой восприимчивой к счастью, не усилила бы вызванные ею чувства. На минуту умолкаю.

Нужно ли объяснять, насколько я безмятежна, после того как

написала все это? Не знаю почему, но я более уверена в твоих чувствах, когда тебя нет рядом, чем когда ты со мной; думаю, ты все-таки любишь меня, ибо, позволь мне сказать со всей искренностью, я верю, что заслуживаю твоей нежности, потому что я верна и степень моей чувствительности можно видеть и наслаждаться ею.

Искренне твоя Мэри

Мэри Уолстонкрафт – Гилберту Имли (23 сентября 1794 года, вечер, отправлено из Парижа)

Я так долго играла и смеялась с малышкой, что не могу взяться за перо и написать тебе, не испытывая эмоций. Я прижимала ее к груди, она была так похожа на тебя (между нами говоря, это твое лучшее подобие, так как твое выставленное напоказ лицо не внушает мне восхищения), от этого прикосновения дрожала каждая жилка, и я начала думать, что в утверждении о том, что муж и жена – единая плоть, есть некий смысл, ибо ты, похоже, пронизываешь все мое тело, ускоряешь биение сердца, вызываешь у меня слезы сочувствия.

Могу ли сказать тебе что-нибудь еще? Нет, пока нет – все остальное уплыло; поддавшись нежным чувствам к тебе, я не могу пожаловаться на тех, кто выводил меня из себя два или три последних дня.

**Мэри Уолстонкрафт – Уильяму Годвину
(21 июля 1796 года, четверг, Джадд-Плейс
Уэст)**

Посылаю Вам, согласно просьбе, исправленную рукопись. Если бы Вы навестили меня вчера, я поблагодарила бы Вас за письмо и, возможно, призналась бы, что больше всего мне *понравилась* заключительная фраза, в которой Вы объясняете, что прибыли домой, с тем чтобы *больше* не уезжать. Но теперь я не в настроении, так что закупорю флакон с моей добротой, конечно, если что-нибудь в Вашем облике, когда я увижу Вас, не заставит вылететь пробку, неважно, готова я к этому или нет...

Мэри

Мари-Жозефа-Роз Таше де ла Пажери (императрица Жозефина) (1763–1814)

Будьте счастливы настолько, насколько Вы этого заслуживаете, я говорю Вам это всей душой.

Жозефина, как ее всегда звал Наполеон, родилась на Мартинике в семье богатых плантаторов, владения которых опустошили ураганы в 1766 г. В 1779 г. она отправилась в Париж, чтобы заключить выгодный брак с французским аристократом, виконтом Александром де Богарне. Брак оказался несчастливym, хотя Жозефина родила мужу двух детей, Гортензию и Евгения, прежде чем в 1785 г. получила разрешение жить отдельно. В 1788 г. она вернулась на Мартинику, но в 1790 г., после восстания рабов на острове, опять прибыла в Париж.

В Париже Жозефина блистала в свете и состояла в связи с несколькими влиятельными лицами. Ее жизнь оказалась в опасности, когда ее муж был объявлен врагом революционеров-якобинцев и отправлен на гильотину в июне 1794 г. Жозефину бросили в тюрьму, но освободили, когда в следующем месяце был казнен Робеспьер. После того как в стране была учреждена Директория, Жозефина познакомилась с блестящим молодым офицером Наполеоном Бонапартом.

В марте 1796 г., незадолго до отбытия Наполеона в Италию во главе французской армии, они поженились. Он постоянно писал ей страстные письма, из которых многие сохранились, однако из писем Жозефины к мужу уцелели лишь некоторые. Остальные либо были уничтожены, либо не существовали. Последнее объяснение выглядит наиболее вероятным, так как Жозефина была отнюдь не преданной женой, едва ли хранила верность мужу и придерживалась вкусов вплоть до самых разорительных и пагубных. Наполеон не раз горько сетовал на ее стремление флиртовать с другими мужчинами и транжирство и в 1799 г. пригрозил разводом, но вмешавшиеся дети Жозефины от первого брака сумели отговорить его.

Чередa военных и политических успехов Наполеона не прекращалась. В 1804 г. Папа Пий VII провел церемонию коронации, и Наполеон стал императором Франции (предание гласит, что в момент коронации Наполеон выхватил из рук Папы корону и сам возложил ее себе на голову). Затем была коронована

императрица Жозефина.

Казалось, теперь будущее Жозефины обеспечено: она стала императрицей Франции, ее сын женился на дочери баварского короля, дочь вышла замуж за брата Наполеона. Но отношения в браке самой Жозефины по-прежнему оставались натянутыми, и в 1810 г. он был аннулирован по решению Наполеона. Став императором, он нуждался в наследнике и, поскольку Жозефина не могла произвести его на свет, вступил в династический брак с дочерью австрийского императора.

Жозефина удалилась в поместье Мальмезон неподалеку от Парижа, где, по-видимому, жила счастливо, принимая друзей и покровителей (в том числе царя Николая I) и при этом сохраняя дружеские отношения с Наполеоном, который продолжал оплачивать ее счета. К этому периоду относится письмо, приведенное ниже. Жозефина умерла от пневмонии четыре года спустя и была похоронена в ближайшей церкви Рейля. В числе ее потомков – королевские семьи Голландии, Люксембурга, Швеции, Бельгии, Греции и Дании. Последними словами Наполеона, умирающего в изгнании на острове святой Елены в 1821 г., были «Франция, армия, Жозефина».

**Мари-Жозефа-Роз Таше де ла Пажери
(императрица Жозефина) – Наполеону
Бонапарту
(апрель 1810 года, отправлено из Наварры)**

Тысячи, тысячи нежных благодарностей за то, что не забываете меня. Мой сын только что доставил мне Ваше письмо. Прочитав его с пылом, я провела над ним немало времени, ибо в нем не нашлось ни единого слова, которое не вызвало бы у меня слез. Но как сладки были эти слезы! Мое сердце вновь стало прежним и всегда будет таковым; в нем есть чувства, которые являются самой жизнью и могут прекратиться только вместе с ней.

Я была бы в отчаянии, если бы доставила Вам недовольство моим письмом от 19-го; не помню точно, в каких выражениях оно было написано, но знаю, что оно было продиктовано на редкость мучительными чувствами – горечью, вызванной отсутствием вестей от Вас.

Я написала Вам по отъезде из Мальмезона, и с тех пор сколько раз мне не хотелось Вам писать! Но Ваше молчание казалось мне небеспричинным, и я боялась, что надоела Вам письмами. Ваши же послания – бальзам на мое сердце. Будьте счастливы настолько, насколько Вы этого заслуживаете, я говорю Вам это всей душой. Вы только что подарили мне мою толику счастья, которая ощущается очень остро: ничто я не ценю так, как свидетельство тому, что Вы помните обо мне.

Прощайте, мой друг; благодарю Вас так же нежно, как всегда буду любить.

Жозефина

Мэри Хатчинсон (Вордсворт)

(1782–1859)

...любимый, письмо стало для меня высшим блаженством, дало мне новые чувства, ибо это первое любовное письмо, принадлежащее только мне.

Мэри Хатчинсон вышла замуж за великого поэта-романтика Уильяма Вордсворта в 1802 г. Она была давней школьной подругой сестры Вордсворта Дороти (Доротей), которая до брака оставалась компаньонкой поэта. Дороти так описывала эту свадьбу в своем дневнике:

«В понедельник, 4 октября 1802 г., мой брат Уильям женился на Мэри Хатчинсон. В ту ночь я хорошо спала и утром проснулась свежей и отдохнувшей. В девятом часу я проводила их в церковь. Уильям простился со мной наверху. Я отдала ему обручальное кольцо с глубочайшим благословением! Кольцо я сняла со своего указательного пальца, на котором оно провело всю предыдущую ночь. Он надел его снова на мой палец и горячо поцеловал меня. Когда они ушли, моя милая крошка Сара [Хатчинсон, сестра невесты] приготовила завтрак. Я старалась вести себя как можно тише, но, когда увидела двух мужчин, бегущих по аллее сказать нам, что все кончено, не выдержала и бросилась на постель, где затихла неподвижно, ничего не видя и не слыша, пока Сара не поднялась ко мне и не сказала: «Они идут!» Эти слова заставили меня подняться. Не знаю, как я сумела выйти навстречу быстрее, чем позволяли мои силы, приблизилась к моему возлюбленному Уильяму и припала к его груди. Вместе с Джоном Хатчинсоном они ввели меня в дом, где я поздравила мою дорогую Мэри».

Итак, в день своей свадьбы Мэри Вордсворт пришлось терпеливо смотреть, как сестра ее мужа доводит себя до истерики, во время которой она «ничего не видит и не слышит», а затем, приглашая Мэри в ее новый дом, ухитряется сама перешагнуть вместе с братом через порог, предоставив новобрачной следовать за ними.

О взаимоотношениях Вордсворта с сестрой и ее влиянии на его творчество написано немало, а подробности его отношений с женой оставались неизвестными, пока в 1977 г. на аукцион Сотбис не выставили письма Вордсворта и Мэри. Эти письма подтвердили, что их брак был исполнен страсти и любви, что особенно удивительно, если учесть обстоятельства их домашней

жизни. Им не хватало денег, они были вынуждены жить под одной крышей с Дороти и сестрой Мэри, Сарой, а также с компанией поэтов и критиков, в том числе с Кольриджем, который, пристрастившись к опиуму, постепенно превращался в тяжкую обузу. В промежуток с 1803 по 1810 г. Мэри родила пятерых детей, смерть двоих из которых в 1812 г. повергла ее в глубокую депрессию. С годами жизнь супругов стала немного легче, Вордсворт добился успеха (в 1845 г. он стал поэтом-лауреатом), семья перебралась в более просторное жилье, где каждому было обеспечено уединение, но сам факт сохранности этого брака свидетельствует в первую очередь о недюжинном терпении Мэри.

В 1835 г. у Дороти развилось старческое слабоумие. Последние двадцать лет ее жизни за ней ухаживала Мэри. Вордсворт умер в 1850 г., Мэри пережила и мужа, и его сестру и умерла в 1859 г. Все трое похоронены на кладбище при церкви Сент-Освальд в Грасмире, в Озерном крае, пейзажи которого на протяжении всей жизни дарили Вордсворту вдохновение.

Мэри Хатчинсон (Вордсворт) – Уильяму Вордсворту

(понедельник 1 августа – утро среды 3 августа, ок. 1810 года, отправлено из Грасмира)

О мой Уильям!

Не могу высказать, как меня потрясло это милейшее из всех писем. Оно оказалось таким неожиданным, так ново было видеть биение твоего сердца на бумаге, что я ошеломлена. И теперь, когда я сижу и пишу тебе ответ в одиночестве и со всей глубиной любви, которая нас объединяет и которую не может ощутить никто, кроме нас самих, я так взволнована и мои глаза так затуманены, что я не знаю, как писать дальше. Я принесла бумагу, уложив детку на твою священную подушку в моей, в ТВОЕЙ комнате, и пишу за столиком Сары, отвернувшись от окна, за которым девушки ворошат сено под несмелым солнцем. <...>

Я смотрю на твое письмо и дивлюсь тому, как тебе удастся писать так разборчиво, ибо в нем нет ни слова, в значении которого я могла бы усомниться. Но как вышло, что я не получила его раньше? Оно же было написано в позапрошлом *воскресенье утром*, как я понимаю. Одно из писем милой Дороти написано в *понедельник*, вечером того же дня пришло написанное в *четверг*, оба уже после того дня, когда мой добрый ангел надоумил тебя доставить мне радость. Застав меня сегодня утром с твоим письмом, Дороти несколько раз спросила, о чем это я плачу, я ответила, что *счастлива*, но она не поняла моей радости. И вправду, любимый, письмо стало для меня высшим блаженством, дало мне новые чувства, ибо это первое любовное

письмо, принадлежащее только мне. Неудивительно, что я так растрогана им.

Дражайший Уильям! Я очень сочувствую, что у тебя болит глаз и что он был плох и раньше, и я сожалею о том, что доставило мне такую благую, возвышенную радость, – о том, что ты не можешь с легкостью переносить разлуку со мной. И вправду, Уильям, я чувствую и *чувствовала*, что ты не в силах, но, когда об этом сказало мне твое перо, я была растрогана строчками, написанными твоей рукой в одном из писем Д., где ты полагаешь, что твое возвращение домой будет «очень кстати» для меня. Это так, любовь моя, но в то время я еще *не желала* так, как *сейчас*, чтобы все наши неудобства остались позади, чтобы ты был здесь, и у меня не осталось бы никаких сомнений в том, что я хочу *лишь одного* с тех пор, как [вычеркнуто «я спала вместе»] одинокая ночь не разделила нас, а разлучила на время. Но в то время у меня не было досуга, который следовало бы иметь и который необходим, чтобы во всей полноте ощутить все это богатство. Уильям, я считаю и до конца своих дней буду считать эту жертву драгоценным свидетельством твоей любви, я чувствую, что она такова, и я благодарна тебе за нее, но я верю, что впредь ничего подобного мы не сделаем...

Мария Брануэлл (Бронте)

(1783–1821)

Ваше поведение и все, что я видела и слышала о Вашем характере, пробудили мое живое уважение и почтение.

Мать великих писательниц Шарлотты, Эмили и Энн родилась в Пензансе, Корнуолл, восьмой из одиннадцати детей в семье. Ее родители, Томас Брануэлл и Энн Кэрн, происходили из зажиточных семей и были видными членами методистского сообщества Уэсли.

Родители Марии умерли, когда ей было немногим более двадцати лет. Ее тетка Джейн, сестра ее отца, предложила Марии переселиться к ней в Роудон близ Лидса, где ее муж Джон Феннелл был директором школы. В 1812 г. Мария покинула Пензанс и начала новую жизнь в Йоркшире.

Патрик Бронте, давний друг Джона Феннелла, был викарием соседнего прихода. Во время одного из визитов в новую школу Феннелла Патрик познакомился с Марией. Даты приведенных далее писем свидетельствуют о том, что период ухаживания был кратким и насыщенным. Патрик регулярно проходил двадцать четыре мили в один конец, чтобы сводить Марию на прогулку. К концу года они поженились.

С 1814 по 1820 г. Мария родила шестерых детей. В год рождения последнего ребенка семья переселилась в ныне известный пасторский дом в Хауорте. В следующем году, после нескольких месяцев страданий, Мария умерла. В настоящее время причиной ее смерти считается хронический тазовый сепсис, вызванный родами, следующими одни за другими, в сочетании с анемией. Четырьмя годами позже две ее старшие дочери, Мария и Элизабет, умерли от туберкулеза легких. Они заразились им в закрытой школе, которую Шарлотта увековечила в романе, назвав Ловудом. К 1855 г. умерли все дети Марии. Перу Шарлотты и Эмили принадлежат два величайших произведения английской литературы – романы «Джен Эйр» и «Грозовой перевал». Патрик пережил их всех и умер в 1861 г.

Мария Брануэлл (Бронте) – преп. Патрику Бронте

(26 августа 1812 года, А.Б., Хартсхед, отправлено из Вуд-Хаус-Гроув)

Мой дорогой друг, этого обращения должно хватить, чтобы убедить Вас: я не только позволяю, но и одобряю подобные обращения ко мне, я действительно считаю Вас своим *другом*. Но стоит мне задуматься о том, как недолго я радуюсь знакомству с Вами, и я поражаюсь собственной опрометчивости, у меня замирает сердце, и если бы я не боялась разочаровать или опечалить Вас, то решила бы, что мне следует приготовиться к тому, чтобы перестать писать. Не подумайте, что я настолько нерешительна, что уже раскаиваюсь из-за сказанного. Нет, поверьте мне, этого не будет никогда, если Вы не дадите мне повода.

Вам незачем опасаться, что Вы ошиблись насчет моего характера. Если я хоть что-нибудь знаю о себе, я не способна не ответить любезностью даже на самую мизерную любезность, а тем более Вам, человеку, чье внимание и поведение так обязывают. Признаюсь откровенно: Ваше поведение и все, что я видела и слышала о Вашем характере, пробудили мое живое уважение и почтение. И позвольте заверить, что у Вас никогда не будет причин раскаяться в уверенности, с которой Вы сочтете нужным относиться ко мне. Я всегда буду стремиться быть достойной доброго мнения, которое сложилось у Вас обо мне, хотя в некоторых случаях человеческие слабости могут стать причиной моей неудачи. Заверяя Вас таким образом, я не рассчитываю на свои силы, а обращаюсь к Тому, кто был моим непогрешимым

наставником на протяжении всей жизни, в чью непрестанную защиту и помощь я свято верю.

Я много думала о Вас в воскресенье и опасалась, что Вы попадете под дождь. Надеюсь, это Вам не повредило? Мой кузен написал Вам в понедельник и этим днем ждет ответа. Из-за Вашего письма я глупо сконфузилась, но, оберегая мои чувства, меня избавили от насмешек.

А теперь я откровенно отвечу на Ваши вопросы. *Любезность других людей* никогда не заставит меня забыть о Вашей доброте и внимании, я никогда не смогу *бродить знакомыми нам тропами*, не думая о Вас и, добавлю со стыдом, не желая видеть Вас рядом. Если бы Вы знали, с какими чувствами я пишу все это, Вы сжалились бы надо мной. Я хочу написать правду и дать удовлетворительные ответы на Ваши вопросы, однако боюсь зайти слишком далеко и переступить границы приличия. Но что бы я ни говорила и ни писала, я никогда *не обману* Вас и не *искажу правду*. Если Вы считаете, что я не возлагаю на Вас *все возможное доверие*, вспомните о моем положении и задайте себе вопрос: неужели я недостаточно – а может, и чрезмерно – доверилась Вам? Очень жаль, что Вы получите это письмо лишь завтра, но ускорить его получение не в моих силах. Надеюсь, по своей доброте Вы простите мне все, что может показаться Вам слишком вольным или чопорным, и прошу считать меня добрым и преданным другом.

Мои дядя, тетя и кузен кланяются Вам.

А теперь мне пора заканчивать, вновь напомнив, что я
искренне Ваша, Мария Брануэлл

Мария Брануэлл (Бронте) – преп. Патрику Бронте (3 октября 1812 года, А.Б., Хартсхед)

Как мог мой дорогой друг так жестоко разочаровать меня? Если бы он знал, с каким радостным сердцем я ждала письма сегодня днем и какое разочарование испытала, когда обнаружила, что писем для меня нет, уверена, он не позволил бы ни одной помехе встать на его пути. Но по какой бы причине Вы ни лишили меня письма, мне не верится, что это была небрежность или недоброта, поэтому я ничуть не виню Вас, только умоляю в будущем судить о моих чувствах по Вашим и по возможности не заставлять меня напрасно прождать письма и так и не получить его... Могу ли я надеяться, что некое послание уже идет ко мне? Или мое терпение будет испытываться, пока я не увижусь с Вами в среду? Но какой вздор я пишу! После такого Вы наверняка поймете, что всецело завладели моим сердцем. Два месяца назад я бы не поверила, что когда-нибудь буду уделять Вам так много мыслей и чувств, и уж, конечно, никогда бы не подумала, что отважусь признаться Вам в этом. Мне следует запретить Вам приезжать сюда, пока Вы не заверите, что не отнимете более моего внимания...

А теперь мне пора. Думаю, мне незачем убеждать Вас, что я искренне и всей душой преданная Вам

Мария Брануэлл

Мария Брануэлл (Бронте) – преп. Патрику Бронте (21 октября 1812 года, А.Б., Хартсхед)

С искреннейшей радостью я удалилась от общества, чтобы побеседовать с тем, кого люблю превыше всех прочих. Если бы мой возлюбленный друг увидел мое сердце, он удостоверился бы, что чувства, которые я питаю к нему, ничуть не слабее его чувств ко мне, и в действительности мне порой кажется, что истинностью и постоянством превосходят их. Но, прочитав это, не подумайте, будто я не уверена в вашей искренности, – нет, я твердо верю в то, что Вы искренни и великодушны, и нимало не сомневаюсь в том, что Вы испытываете все те чувства, о которых говорите. В ответ прошу Вас воздать мне должное и поверить, что Вам принадлежит не просто *очень большая доля* моей любви и уважения, а *все*, что я способна чувствовать, и впредь измерять мои чувства своими собственными. Не будь моя любовь к Вам настолько велика, разве согласилась бы я оставить мой дом и всех моих друзей – дом, который я так любила, что часто думала, будто ни за какие блага не покину его надолго, и друзей, с которыми я так давно знакома, что уже привыкла делить все превратности судьбы, радости и скорби? Но все они утратили свое значение, и хотя я никогда не вспоминаю их без вздоха, однако предвкушение возможности делить с Вами все радости и беды, жизненные тревоги и заботы, беспокоиться о Ваших удобствах и сопутствовать Вам в паломничестве гораздо приятнее для меня, чем любое другое будущее, какое только может предложить этот мир...

Я очень рада, что в моей власти было отчасти избавить Вас от усталости и поднять Вам дух моими заботами в прошлый понедельник. Надеюсь, что и впредь мне будет доступна эта радость. Словом, я чувствую спокойную уверенность в провидении и непрекращающемся милосердии Божиим, и, когда я думаю о его прежних благодеяниях и милостях, мне остается лишь удивляться и благоговеть. Ощущение малости моей ответной любви и благодарности к Нему часто унижает меня и заставляет думать, что я ничем не лучше тех, кто ни во что не верует. Молитесь за меня, мой дорогой друг, и будьте уверены, что Вам принадлежит очень, очень большая доля всех молитв, мыслей и чувств, на которые только способна искренне Ваша

М. Брануэлл

Мария Бикнелл (Констебл)

(1788–1828)

*Старайтесь, пока это еще в Вашей власти, путь
долга – единственный путь к счастью...*

Знакомство Марии Бикнелл с Джоном Констеблом (Констеблем) состоялось в 1800 г., когда она двенадцатилетним ребенком приехала в Ист-Бергхолт в Стор-Вэлли, навестить своего деда, богатого местного священника Дюрана Радда. В 1809 г. Мария и Констебл полюбили друг друга, но Дюран Радд яростно возражал против их союза и угрожал лишить наследства не только свою внучку, но и четырех ее братьев и сестер.

Джон Констебл всю жизнь провел в Ист-Бергхолте, где его отец был купцом и владельцем мельницы. С ранних лет он любил рисовать, постарался как можно раньше отойти от семейного бизнеса и предаться творчеству. В 1809 г. он все еще был пробивающимся к славе молодым художником, преданным своим представлениям о пейзажной живописи (вместо более прибыльной портретной). Он уже начинал делать некоторые успехи, но по-прежнему финансово зависел от родных и друзей.

На протяжении следующих семи лет Мария и Констебл тайно встречались и переписывались, между тем Констебл упорствовал в своих занятиях живописью. К 1816 г., несмотря на непреклонность доктора Радда, Марию удалось убедить, что ожидание затянулось, и в октябре пара поженилась. (Доктор Радд в конце концов смягчился настолько, что после его смерти в 1819 г. ей досталось такое же наследство, как ее братьям и сестрам.) Несмотря на неприязненное отношение Констебла к портретной живописи, в июле 1816 г., вскоре после того как Мария наконец дала согласие стать его женой, он написал очень нежный и трогательный портрет невесты (в настоящее время он хранится в галерее Тейт), о котором сообщил ей в письме: «Я сижу перед Вашим портретом, и, когда отвожу взгляд от бумаги, сходство настолько велико, что я с трудом удерживаюсь, чтобы не двинуться ему навстречу. Раньше я и не подозревал, сколько подлинного наслаждения способен доставить портрет».

Препятствие на пути к счастью в личной жизни было устранено, но борьба Констебла за признание его собственного стиля пейзажной живописи Академией, критиками и публикой продолжалась десятилетиями. Мария, слабая здоровьем, умерла

от чахотки в 1828 г., родив за одиннадцать лет семерых детей. Спустя три месяца Констебл наконец был избран полноправным членом Академии. Он умер в 1837 г.; его картины, многие из которых он отказывался продавать при жизни, в настоящее время переходят из рук в руки за гигантские суммы и украшают галереи всего мира. Живопись Констебла и по сей день остается предметом бурных споров.

**Мария Бикнелл (Констебл) – Джону
Констеблу**
**(4 ноября 1811 года, отправлено из Спринг-
Гроув)**

Мой дорогой сэр, я только что получила письмо от моего отца. Оно оказалось точно таким, как я ожидала: рассудительным и добрым; его единственное возражение касалось неизбежного зла – денег. Что же нам делать? Я хотела бы, чтобы они у меня были, но желания тщетны: нам следует быть мудрее и прекратить переписку, не считая, что в этом случае будем меньше думать друг о друге. В этой жизни всем нам предстоит множество мучительных испытаний, и мы должны научиться со смирением переносить их. Вы все равно будете моим другом, а я буду Вашим, и на правах друга позвольте мне посоветовать Вам съездить в Саффолк, где Вам наверняка станет легче. Я уже написала папе, хотя и не рассчитывала, что он откажется от своих слов, и потому я впредь не стану Вам писать, по крайней мере пока не получу денег. Мы оба не созданы для бедности, верно? Даже живопись зачахнет, не выдержав груза домашних забот.

Прилежанием в выбранной профессии Вы поможете мне обрести душевное спокойствие... Позвольте другим обойти Вас и тогда вините меня. Старайтесь, пока это еще в Вашей власти, путь долга – единственный путь к счастью... Поверьте, я испытаю нескончаемое удовольствие, зная, что Вы потратили время с большей пользой, чем если бы украдкой совершили прогулку со мной по парку. И все-таки мне не хватит отваги сказать, пожелать или подразумевать, что больше мы никогда не встретимся. Я знаю, что это невозможно. В таком случае пусть встречи будут

редкими, как предписывает не склонность, а благоразумие. Прощайте, дражайший Джон, да пребудет с Вами благодать. А что касается интереса, проявленного к Вашему труду, простите меня за совет, данный Вам, человеку, которому более пристало увещевать меня. Думаю, нашим окончательным решением будет то, что сейчас нам особенно необходимо, – ради обоюдного блага на время воздержаться от общества друг друга.

Мария Бикнелл (Констебл) – Джону Констеблу (15 сентября 1816 года)

Папа отвергает все, что я предлагаю. Если Вам так угодно, можете написать ему – это не принесет ни пользы, ни вреда. Надеюсь, мы не совершим непростительную глупость... Еще один раз, но уж тогда последний! Еще не слишком поздно последовать папиному совету и подождать. Независимо от того, что я написала, я придерживаюсь о Вас наилучшего мнения... Эта чарующая погода пробуждает во мне надежду.

Клэр Клэрмон

(1798–1879)

Я всегда буду помнить Ваши обходительные манеры и неистовую оригинальность Вашего лица. Тот, кто увидел Вас однажды, не забудет никогда.

Клэр Клэрмон выросла в семье, отношения между членами которой были весьма запутанными. Ее мать, Мэри Джейн Вайэл, называла себя миссис Клэрмон, хотя ее брак ничем не подтверждался и Клэр, вероятно, была незаконнорожденной. Мэри Джейн, предприимчивая женщина, переводила с французского и редактировала детские книги. Будучи соседкой писателя и политического философа Уильяма Годвина, она стала его второй женой, когда первая, Мэри Уолстонкрафт, умерла при родах. В этом доме в северной части Лондона росло пятеро детей. Все они были от разных родителей: Клэр и ее сводный брат Чарльз, сводная сестра Мэри Годвин, Фанни Имли, дочь Мэри Уолстонкрафт и Гилберта Имли, и с 1803 г. – Уильям Годвин, сын Мэри Джейн и Уильяма.

В 1814 г. сводная сестра Клэр, Мэри Годвин, бежала в Европу с Перси Биши Шелли, который сам спасался от запутанных и болезненных отношений, в том числе от неудачного брака. Беглецов сопровождала Клэр. Как можно предположить, она была досадной помехой. И действительно, на протяжении всей жизни предметом мучений Мэри Шелли периодически становились отношения ее мужа с ее сводной сестрой. По возвращении в Лондон в 1816 г. Клэр принялась добиваться благосклонности поэта Байрона, прославленного автора «Чайльд Гарольда», печально известного волокиты и бездельника, неотразимое обаяние и опрометчивое поведение которого внушали ужас матерям невест всего Лондона. По-видимому, Клэр разработала некий план и тем же летом подстроила встречу Мэри, Перси Биши, Байрона и собственной персоны на Женевском озере. Во время пребывания на озере новые друзья пристрастились по вечерам рассказывать страшные истории, а Мэри Шелли начала писать «Франкенштейна».

Вернувшись в Англию в январе 1817 г., Клэр родила от Байрона дочь Аллегру. К тому времени Клэр уже наскучила Байрону, однако он желал поддерживать связь с дочерью, и летом 1818 г. Клэр позволила ему увезти Аллегру в Венецию, после чего

Байрон постарался прекратить дальнейшие контакты девочки с матерью. После запутанной цепи событий с обычными для Байрона ингредиентами вроде испепеляющей страсти, скандалов, душевных терзаний, политических интриг и скуки – он, вопреки желаниям Клэр, поместил Аллегру в монастырь в Баньякавалло. Там Аллегра и умерла в возрасте четырех лет, вероятно от тифа.

До конца жизни Клэр Клэрмон обеспечивала свое существование, работая в богатых домах по всей Европе в качестве гувернантки и компаньонки. Ее обожали и подопечные, и работодатели, однако она предпочитала скрывать от них свое прошлое. Клэр мирно скончалась во Флоренции в возрасте 89 лет и была похоронена там же. Ей в гроб положили шаль, когда-то принадлежавшую Шелли. Ее ненависть к Байрону так и не утихла.

Клэр Клэрмон – лорду Байрону (1816 год)

Вы велели мне писать коротко, но мне надо многое Вам сказать. Вы также уверяли, что дорожить узами с Вами меня заставил каприз. Но это не каприз: за последний год Вы ни разу не были предметом, о котором я задумалась бы хоть на один миг.

Я не рассчитываю, что Вы будете любить меня, я недостойна Вашей любви. Я ставила Вас выше себя, но, к моему великому удивлению и к еще большей радости, Вы предали страсть, которая, как я убеждена, уже погасла в Вашей груди. Буду ли и я с грустью мечтать о счастье? Отвергну ли его, когда оно будет предложено? Возможно, Вы считаете меня опрометчивой и порочной, мои мнения – отвратительными, мое мировоззрение – развращенным, но, по крайней мере, время докажет, что я люблю нежно и пылко, что я не способна на чувства, хотя бы отдаленно напоминающие жажду мести или злобу. Уверяю Вас, Ваше будущее станет моим и я не буду подвергать сомнению ни Ваши слова, ни поступки.

В таком случае нет ли у Вас возражений против следующего плана? В четверг вечером мы могли бы покинуть город вместе, дилижансом или почтовой каретой проделав десять – двенадцать миль. Там мы будем свободны и не узнаны никем, вернуться мы можем пораньше следующим утром. Здесь я все устроила так, чтобы не возбудить ни малейшего подозрения. Умоляю, последуйте моему примеру в своем окружении.

Вы примете меня на две минуты, чтобы кое-что уладить на месте? Я не задержусь ни единого лишнего мгновения после того, как Вы прикажете мне уйти. За это краткое время будет сказано и сделано только то, что невозможно выразить на бумаге.

Поступайте, как Вам угодно, отправляйтесь, куда Вам заблагорассудится, откажитесь встречаться со мной, будьте ко мне жестоки – я никогда не забуду Вас. Я всегда буду помнить Ваши обходительные манеры и неистовую оригинальность Вашего лица. Тот, кто увидел Вас однажды, не забудет никогда. Вероятно, это мое последнее обращение к Вам. В таком случае позвольте мне вновь заверить Вас, что меня нельзя назвать неблагодарной. Ваши поступки были неизменно благородны, и только неловкость манер и чувство сродни робости до сих пор мешали мне высказать Вам это лично.

Клара Клэрмон

Вы примете меня сейчас? Я жду ответа на Гамильтон-Плейс.

Джейн Уэлш (Карлейль)

(1801–1866)

О, мой дражайший друг! Будьте всегда настолько же добры ко мне, и я стану лучшей и счастливейшей из жен.

Джейн Уэлш родилась в Хаддингтоне, близ Эдинбурга, в Шотландии и была единственным ребенком в семье врача. Ее родители были шотландцами. Джейн, не по годам развитая девочка, обладала живым, пытливым умом, и отец, которого она обожествляла, дал ей возможность получить образование под руководством священника и ученого Эдварда Ирвинга. После смерти отца в 1819 г. Джейн лишилась возможности учиться. Ей было нечем заняться, кроме как бывать в свете и кружить головы поклонникам, в том числе бывшему наставнику, который безуспешно пытался расторгнуть помолвку с другой женщиной, чтобы жениться на Джейн. Именно он в 1821 г. познакомил ее с ученым и писателем Томасом Карлейлем (Карлайлом).

Карлейля не сочли достойной партией ни мать Джейн, ни сама Джейн. Однако она оценила его ум и лидерские качества. В 1826 г. они наконец поженились. По-видимому, Джейн объясняла свой выбор исключительно прагматично: она вышла замуж за Карлейля, которого считала гением, чтобы избежать жалкого существования, в противном случае ожидавшего ее в Хаддингтоне.

Супружеская жизнь четы Карлейлей оказалась бурной и беспокойной (писатель Сэмюэл Батлер отмечал, что «весьма великодушно со стороны Бога было сочетать браком Карлейля и миссис Карлейль, чтобы несчастными стали только двое, а не четверо»), и, хотя она продлилась сорок лет, неизвестно даже, получила ли она должное завершение. Джейн оказывала мужу неоценимую помощь в работе, особенно когда почти законченную рукопись по истории Французской революции каким-то образом ухитрился спалить слуга одного из друзей, читавшего ее. При постоянной поддержке Джейн Карлейль сумел восстановить рукопись целиком.

Некоторое время Карлейли жили в Шотландии, где Джейн чувствовала себя одинокой, отрезанной от всех и несчастной. В 1834 г., когда они переселились в Лондон, она стала хозяйкой дома, где бывали самые известные писатели, художники и политики того времени, в том числе Диккенс, Теккереи и

Теннисон. Ее брак оказался под серьезной угрозой в 1843 г., когда Томас влюбился в леди Гарриет Бэринг, принимавшую гостей в просторном и роскошном особняке на Пиккадилли или в загородном поместье. Слабая здоровьем Джейн одурманивала себя морфием и силилась понять, где допустила ошибку. Из круга, в котором прежде блистала Джейн, она была исключена: леди Гарриет ясно давала понять, что ее приглашения распространяются только на Томаса.

Леди Гарриет умерла в 1857 г. Последний этап жизни супружеской пары Карлейль был, по-видимому, более счастливым и спокойным, нежели предыдущие десятилетия, полные вражды и раздражения. Джейн Карлейль умерла в своем экипаже в 1866 г., проезжая по Гайд-парку. Ее муж в то время работал над своими «Воспоминаниями» и собранием писем Джейн, с намерением обеспечить ей посмертную славу, которой, по его мнению, она заслуживала. Хотя его откровенность (возможно, наивная) породила скандал, его цель в основном была достигнута: блестящий эпистолярный стиль Джейн широко признан, о Джейн Карлейль обычно упоминают как о лучшем англоязычном авторе писем. Сейчас трудно сказать, удалось ли бы ей добиться успеха на творческом поприще, но отказать ей в таланте, безусловно, нельзя.

Джейн Уэлш (Карлейль) – Томасу

Карлейлю

(3 октября 1826 года, вторник, отправлено
из Темпланда)

Некрасиво с Вашей стороны повергать меня в уныние, когда Вам ничего не стоит вознести меня на седьмое небо! Моя душа была чернее полуночи, когда Ваше перо сказало «да будет свет», и по этому повелению *стал* свет. И теперь я полна решимости и даже весела, весела даже в преддверии ужасной церемонии, *голодной смерти* и любой другой участи.

О, мой дражайший друг! Будьте всегда *настолько же* добры ко мне, и я стану лучшей и счастливейшей из жен. Когда я вижу по Вашему лицу и словам, что Вы любите меня, я нахожу отклик в самых сокровенных глубинах моей души, и тогда мне нет равным счетом никакого дела до всей Вселенной. Но когда Вы ускользаете от моих ласк, чтобы покурить или заговорить обо мне как о своем новом *обстоятельстве*, тогда и впрямь мое сердце тревожится о многом.

Матушка еще не приехала, но мы ждем ее на этой неделе, еще неделю дадим ей, чтобы напоследок наглядеться на свое дитя, а затем, дорогой мой, если Бог даст, я навсегда стану Вашей...

О, сжальтесь! Чего бы я ни отдала, чтобы сидеть в нашем кукольном домике и быть уже неделю замужней!..

Я, пожалуй, отвечу на *один* из *двадцати*. Но, право же, дорогой, эти поцелуи на бумаге едва ли стоит хранить. Вы поцеловали меня один раз в шею тем вечером, когда Вы были в таком благостном расположении духа, и один раз в губы по какому-то забытому поводу, и с этими поцелуями я не расстанусь

даже за сто тысяч подаренных на бумаге. Возможно, когда-нибудь я уже не получу ни тех, ни других; *sic transit gloria mundi* (так проходит мирская слава. – *Примеч. ред.*)... И тогда исполнится не моя воля, а Ваша. Я намерена быть очень кроткой женой, в сущности, я уже становлюсь образцом кротости. Тетя уверяет, что смогла бы провести со мной всю жизнь без единой ссоры, настолько я рассудительна и уравновешенна. Вот что обрадует Ваше сердце! Более того, вчера вечером, когда я ела овсянку, дедушка заметил, что «она и вправду мила и степенна, что твоя лебедушка». Так что имейте в виду, мой добрый сэр: если мы не уживемся вдвоем, то лишь по Вашей вине... Но мне пора остановиться. Это мое последнее письмо. Что за мысль! И ужасная, и исполненная блаженства. Вы будете любить меня вечно, не правда ли, мой супруг? А я всегда буду Ваша верная и любящая

Джейн Уэлш

**Джейн Уэлш (Карлейль) – Томасу
Карлейлю
(2 июля 1844 года, отправлено из
Ливерпуля)**

Право же, дорогой, Вы уже смотрите так, словно Вы почти несчастны! Я не хочу доставлять Вам физические страдания, только нравственные, как Вы понимаете. И когда я слышу, как Вы пьете ночью кофе, я вовсе *не злорадствую*, а расстраиваюсь. Любопытно, насколько менее комфортно я чувствую себя без Вас, хотя это я Вас покинула, а не Вы, как это обычно бывает, оставили меня. С тех пор как я прибыла сюда, я часто думаю, как я могу даже в порыве гнева говорить о расставании с Вами навсегда. Ибо, конечно, если бы я собиралась оставить Вас сегодня *на таких основаниях*, то непременно вернулась бы назавтра *посмотреть, как Вы восприняли это*.

Жорж Санд (1804–1876)

...чувства, связывающие нас, сочетают в себе так много, что не сравнятся ни с чем.

Жорж Санд, настоящее имя которой – Амандина Аврора Люсиль Дюпен, родилась в состоятельной французской семье, владеющей поместьем в Ноане, близ долины Эндра. В девятнадцать лет она вышла замуж за барона Казимира Дюдевана, но брак оказался несчастливым, и в двадцать семь лет она оставила барона и двоих своих детей, уехала в Париж и вошла в кружок писателей, к которому принадлежал и знаменитый критик Сент-Бев. Свой первый роман «Индиана» она опубликовала в 1832 г. под псевдонимом Жорж Санд (видоизмененное имя ее любовника и соавтора в начале творческого пути Жюля Сандо). В книге открыто критиковалась несправедливость французских брачных законов того времени и высказывались призывы обеспечить женщинам образование и равные права.

Общество шокировала страсть Жорж Санд к переодеванию в мужскую одежду, ее курение (на самом деле умеренное) и многочисленные романы. Она оказалась поразительно плодовитым автором романов, пьес и эссе, и, хотя ее образ жизни, внешность, феминистские и демократические убеждения вызывали яростное осуждение, она явно умела привлекать к себе людей.

Одним из самых известных любовников Жорж Санд был поэт Альфред де Мюссе, который был семью годами моложе ее. Он преследовал ее, признавался в любви в знаменитом письме 1833 г., когда ему было двадцать два года, а ей – двадцать девять. Жорж Санд позволила уговорить себя, и они отправились в Италию. Что произошло дальше – в точности неизвестно, но путешествие обернулось катастрофой, отношения вскоре завершились скандалом. Известно только, что и Жорж, и де Мюссе заболели (есть предположение, что недуг де Мюссе был следствием его пристрастия к абсенту, в некоторых случаях представляющему смертельную опасность), а Жорж в романтическом порыве влюбилась в их врача-венецианца Пьетро Пагелло. Этот роман завершился почти сразу, причины объясняются в приведенном ниже письме, особенно в

восклицании Жорж: «...не учите мой родной язык, а я не стану искать в Вашем слова, способные выразить мои сомнения и мои опасения. Я не желаю знать, как Вы распорядитесь своей жизнью и какую роль сыграете среди своих соплеменников. Я не желаю даже знать Вашего имени».

После многочисленных авантур Жорж Санд удалилась в семейное поместье в Ноане, где стала вести более размеренную жизнь и часто принимала многочисленных друзей из богатого событиями прошлого. Она скончалась в возрасте семидесяти девяти лет.

Жорж Санд – Альфреду Мюссе (15–17 апреля 1834 года)

Я была потрясена и обеспокоена, мой дорогой ангел, и не получила ни единого письма от Антонио. В Виченцу я прибыла, чтобы узнать, как ты провел эту первую ночь. Мне удалось услышать только, что ты проезжал через город утром. Таким образом, единственной весточкой, которую я получила от тебя, стали две строчки, присланные мне из Падуи, и я не знаю, что и думать. Пагелло уверял, что, будь ты болен, Антонио написал бы нам, но мне известно, что письма теряются, а иногда проводят в пути по этой стране шесть недель. Я была в отчаянии. И наконец я получила твое письмо из Женевы. О, как я благодарна тебе за него, *мое дитя!* Каким добрым оно было и как обрадовало меня! Правда ли, что ты не болен, что ты здоров и не страдаешь? Я все время боюсь, что из-за любви ты преувеличиваешь крепость своего здоровья. О, если бы Господь даровал его тебе и сохранил тебя, мое дорогое дитя! Это необходимо мне, как и твоя дружба. Без того или другого я не могу надеяться прожить ни единого счастливого дня.

Не верь, не верь, Альфред, что я способна быть счастливой с мыслью о том, что я потеряла твое сердце. Какая разница, любовницей я тебе была или матерью, вдохновляла ли я тебя любовью или дружбой, была ли с тобой счастлива или несчастна. В настоящий момент все это ничего не меняет в моем душевном состоянии. Я знаю, что люблю тебя, и этим все сказано. [Стерты три строчки.] Беречь тебя, хранить от всех недугов и от врагов, развлекать и радовать тебя – таковы потребности и сожаления, которые я ощущаю с тех пор, как лишилась тебя. Почему труд столь сладкий, который прежде я выполняла с такой радостью,

мало-помалу пропитался горечью и наконец стал невозможным? Какой несчастный случай превратил в яд лекарства, которые я предлагала? Как вышло, что я, способная отдать всю мою кровь, лишь бы обеспечить тебе ночной отдых и покой, стала для тебя мучением, карой, злым гением? Когда меня одолевают эти ужасные воспоминания (а разве они когда-нибудь оставляют меня с миром?), я почти схожу с ума. Я орошаю подушку слезами. Я слышу, как твой голос зовет меня в ночной тиши. Кто будет звать меня теперь? Кому понадобятся мои бдения? Как мне растратить силы, которые я накопила для тебя, и теперь вижу, как они обращаются против меня? О, мое дитя, мое дитя! Насколько не нужны мне твоя нежность и прощение! Никогда не проси о них меня, никогда не говори, что скверно обошелся со мной. Откуда мне знать? Я ничего не помню, кроме того, что мы были чрезвычайно несчастны и расстались. Но я знаю, я чувствую, что мы будем любить друг друга всю жизнь, всем сердцем, всем разумом и будем стремиться священным чувством [стерто слово] обоюдно исцелиться от недугов, которые терпели ради друг друга.

Увы, нет! Это была не наша вина. Мы повиновались своей судьбе, ибо наши характеры, более порывистые, чем у многих других, не дали нам смириться с существованием заурядных любовников. Но мы рождены, чтобы знать и любить друг друга, в этом нет никаких сомнений. Если бы не твоя юность и не слабость, которую вызвали у меня однажды утром твои слезы, мы остались бы братом и сестрой...

Ты прав, наши объятия были кровосмесительными, но мы не поняли этого. Мы невинно и искренне слились в них. Но осталось ли у нас хоть одно воспоминание об этих объятиях, которое не было бы целомудренным и безгрешным? В дни лихорадки и бреда ты упрекал меня в том, что я ни разу не дала тебе почувствовать вкус радостей любви. Из-за этого я пролила немало слез, а теперь убеждена, что в этих словах есть зерно истины. Я удовлетворена тем, что эти радости были более аскетическими, более завуалированными, чем те, которые ты изведешь в других местах. По крайней мере, в объятиях других женщин ты не станешь вспоминать обо мне. Но, оставшись один, чувствуя потребность помолиться и выплакаться, ты будешь думать о своей Жорж, своем верном товарище, своей сиделке, своем друге и не только. Ибо чувства, связывающие нас, сочетают в себе так много, что не сравнятся ни с чем. Мир никогда не поймет этого. Тем лучше. Мы любим друг друга и не обращаем на него внимания...

Прощай, прощай, мое милое дитя. Заклинаю, пиши мне как можно чаще. О, как я была рада узнать, что ты прибыл в Париж

здоровым и невредимым!

Помни, что ты обещал мне беречься. Прощай, мой Альфред, люби свою Жорж.

Прошу, пришли мне двенадцать пар перчаток из тонкой кожи – шесть желтых и шесть цветных. И самое главное, пришли мне стихи, которые написал. У меня не осталось ни единого!

Жорж Санд – Пьетро Пагелло (10 июля 1834 года, отправлено из Венеции)

Рожденные под разными небесами, мы никогда не будем мыслить одинаково и не обречем общего языка. Может быть, наши сердца похожи?

Умеренный и облачный климат, в котором я выросла, наделил меня мягким и меланхоличным воображением; какие страсти даровало Вам щедрое солнце, покрывшее загаром Ваш лоб? Я знаю, как любить и как страдать. А Вы? Что Вы знаете о любви?

Пылкость Ваших взглядов, неистовое сжимание рук, жар Вашего желания искушают и пугают меня. Я не знаю, бороться с Вашей страстью или разделить ее. Никто не любит так в моей стране; рядом с Вами я лишь бледная статуя, взирающая на Вас с желанием, тревогой и изумлением. Я не знаю, вправду ли Вы любите меня, и никогда не узнаю. Вы едва способны выговорить несколько слов на моем языке, а я не настолько знаю Ваш, чтобы вдаваться в эти тонкие материи. Возможно, даже если бы я в совершенстве знала язык, на котором Вы говорите, я не сумела бы внятно объясниться. Места, где мы жили, люди, которые нас учили, – несомненно, причина тому, что наши мысли, чувства и потребности невозможно объяснить друг другу. Моя слабая натура и Ваш огненный темперамент должны порождать совершенно разные мысли. Вы наверняка не подозреваете о тысячах тривиальных страданий, которые так беспокоят меня, или презираете их; Вы должны смеяться над тем, что заставляет меня плакать. Возможно, Вы вообще не знаете, что такое слезы. Кем бы Вы стали для меня – опорой или повелителем? Смогли бы

утешить меня, если мне вспомнится, как много я претерпела до встречи с Вами? Вы понимаете, почему я так печальна? Вы знаете, что такое сострадание, терпение, дружба? Вероятно, Вам с детства внушили, что у женщин нет души. Вы думаете, что она у них есть? Вы не христианин и не мусульманин, не цивилизованный человек и не варвар. Мужчина ли Вы? Что таится в этой мускулистой груди, за этим великолепным лбом, в глубине львиных глаз? Посещают ли Вас благородные, возвышенные мысли, братские и благочестивые чувства? Когда Вы спите, снится ли Вам, что Вы возноситесь на небеса? Когда Вас обманывают люди, продолжаете ли Вы доверять Богу? Кем я буду для Вас – компаньонкой или рабыней? Вы вожделеете меня или любите? Утолив свою страсть, поблагодарите ли Вы меня? Когда я сделаю Вас счастливым, поймете ли Вы, как сказать мне об этом? Знаете ли Вы, кто я, и тревожит ли Вас то, что Вы об этом не подозреваете? Может быть, для Вас я неизвестное существо, к которому следует стремиться, о котором грезить? Или в Ваших глазах я женщина вроде тех, которые жиреют в гаремах? В Ваших глазах, в которых, как мне показалось, видна божественная искра, нет ничего, кроме похоти, которую возбуждают такие женщины? Вы знаете, что такое желание души, которую не приглушает время, не умаляют крайности или усталость? Когда любовница засыпает в Ваших объятиях, бодрствуете ли Вы, чтобы беречь ее сон, молиться Богу и плакать? Превращают ли утхи любви Вас в дикого зверя или повергают в божественный экстаз? Одерживает ли Ваша душа верх над Вашим телом, когда Вы расстаетесь с той, кого любите? Ах, когда я увижу, как Вы тихо удаляетесь, пойму ли я, задумчивы Вы или спокойны? Когда Ваш взор станет томным, нежность будет тому причиной или апатия? Вероятно, Вы поймете, что я не знаю Вас, а Вы не знаете меня. Я не знаю ни Ваше прошлое, ни Ваш характер, ни то, что думают о Вас знакомые. Может быть, Вы первый, а может, и последний среди них. Я люблю Вас, не зная, смогу ли уважать, люблю потому, что Вы нравитесь мне, и, возможно, когда-нибудь буду вынуждена возненавидеть Вас. Будь Вы моим соотечественником, я задала бы Вам вопрос, и Вы поняли бы меня. А может, я стала бы еще несчастнее, если бы Вы ввели меня в заблуждение. Так или иначе, по крайней мере, Вы не обманываете меня, не пробуждаете напрасных надежд и не даете ложных клятв. Вы любите меня так, как Вы понимаете любовь, как Вы способны любить. То, к чему я тщетно стремилась у других, я вряд ли найду в Вас, но всегда могу считать, что Вы обладаете этим свойством. Эти взгляды, эти любовные ласки, которые у других всегда казались мне лживыми, Вы позволяете мне истолковывать так, как я пожелаю, не

прибавляя к ним обманчивых слов. Я смогу истолковать Ваши мысли и наполнить Ваше молчание красноречием. Я припишу Вашим поступкам те намерения, которые пожелаю. Заметив Ваш нежный взгляд, обращенный на меня, я буду верить, что это смотрит на меня Ваша душа; когда Вы устремите взоры к Нему, я уверую, что Вы обращаетесь разумом в вечность, из которой Он возник. Пусть все так и останется: не учите мой родной язык, а я не стану искать в Вашем слова, способные выразить мои сомнения и мои опасения. Я не желаю знать, как Вы распорядитесь своей жизнью и какую роль сыграете среди своих соплеменников. Я не желаю даже знать Вашего имени. Скройте от меня свою душу, дабы я всегда могла верить, что она прекрасна.

Клара Вик (Шуман)

(1819–1896)

*Но сумеет ли сердце, которое переполняет
невыразимая любовь, подобно моему, произнести это
краткое слово во всем его могуществе?*

Клара Вик родилась в Лейпциге в семье известного учителя игры на фортепиано Фридриха Вика и Марианны Тромлиц, сопрано и бывшей ученицы Вика. Клара была одаренным ребенком. Честолюбивый отец разработал для нее особую программу занятий, в которую входили ежедневные уроки игры на фортепиано и скрипке, пения, гармонии, композиции и контрапункта. Первый публичный концерт девочка дала в Лейпциге в девятилетнем возрасте. Впервые она познакомилась со своим будущим мужем Робертом Шуманом, когда в 1830 г. он стал учеником ее отца. Роберт был талантливым пианистом, но травма руки помешала развиваться его дару исполнителя. Он стал композитором и влиятельным критиком.

В 1831–1835 гг. Клара с отцом отправились в турне по Европе, одновременно Клара продолжала писать музыку. Она снискала славу виртуозной исполнительницы во Франции и в Германии, когда в середине 30-х гг. Шуман начал ухаживать за ней, а в 1837 г. сделал ей предложение – ответ Клары приводится далее. Но Фридрих отказал претенденту, последовало три года ожесточенных споров. В конце концов пара получила разрешение на брак от Лейпцигского апелляционного суда. Их свадьба состоялась в 1840 г., за день до двадцать первого дня рождения Клары. Дальнейшие события наводят на мысль, что Фридрих, возможно, разглядел в увлеченном юноше признаки психического расстройства, которые отчетливо проявились в более позднем возрасте. В том же году Роберт сочинил более сотни своих знаменитых *Lieder* («Песни»).

За период с 1841 по 1854 г. Клара Шуман родила восьмерых детей, один из которых умер в младенчестве. Семья путешествовала по всей Европе, Клара исполняла сочинения Роберта. В 1850 г. супруги поселились в Дюссельдорфе, где Роберт стал дирижером городского оркестра.

Первые приступы угнетенного духа и галлюцинаций начались у Роберта в 1844 г.; он оправился, но в 1854 г. вновь заболел и пытался утопиться в Рейне, в то время как Клара была беременна

их восьмым ребенком. Роберта спасли, но поместили в приют для умалишенных, где он умер спустя два года.

Клара пережила мужа на сорок лет, одна вырастила детей, пережив четверых из них. Всю оставшуюся жизнь она преподавала, концертировала по всей Европе и всеми силами поддерживала репутацию покойного мужа как талантливого композитора. Свой последний публичный концерт она дала в 1891 г. в возрасте семидесяти двух лет и умерла вследствие инсульта в 1896 г.

Лишь сравнительно недавно репутация самой Клары Шуман как талантливого композитора получила подтверждение, хотя она с ранних лет писала музыку. С возрастом утратив уверенность, она говорила: «Когда-то я верила, что обладаю даром творить, но давно рассталась с этой мыслью. Женщинам не следует мечтать о сочинительстве, еще ни одной из них это не удавалось. Стоит ли надеяться, что удастся мне?»

Клара Вик (Шуман) – Роберту Шуману (15 августа 1837 года, отправлено из Лейпцига)

Вы ждете простого «да»? Такое короткое слово, но такое важное. Но сумеет ли сердце, которое переполняет невыразимая любовь, подобно моему, произнести это краткое слово во всем его могуществе? Я говорю его, и сокровенные глубины моей души всегда обращаются к Вам.

Скорби моего сердца, горькие слезы – смогу ли я описать их Вам? О, нет! Возможно, судьба распорядится, чтобы мы вскоре увиделись, и тогда... Ваши намерения я могла бы счесть рискованными, но любящее сердце не принимает в расчет опасности. И я вновь говорю Вам «да». Сделает ли Господь мой восемнадцатый день рождения днем горя? О, нет, это было бы слишком ужасно! И потом, мне давно казалось, что это предопределено, ничто в мире не способно отвратить меня от того, что я считаю верным. Я докажу отцу, что даже самые юные сердца способны быть непоколебимыми в своих намерениях.

Ваша Клара

Королева Виктория

(1819–1901)

Любимый мой, Вы забываете, что я правлю государством, и эта работа не может подождать, ее нельзя приостановить.

Виктория была единственным ребенком Эдуарда, герцога Кентского, четвертого сына Георга III, и принцессы Виктории Саксен-Кобург-Заальфельдской. Ее отец умер в 1820 г. Виктория выросла почти в полной изоляции в Кенсингтонском дворце. О ее вероятном будущем ей сообщили в десятилетнем возрасте, и Виктория, согласно преданию, воскликнула: «Я буду хорошей!» В 1837 г. в возрасте восемнадцати лет она взошла на престол.

В том же году Виктории представили ее кузена, принца Альберта Саксен-Кобург-Готского. Мать Виктории мечтала об этом браке, но молодая королева уже извела вкус независимости и не спешила менять свою жизнь. В 1839 г. Альберт вновь появился в ее окружении. На этот раз молодой человек тронул ее сердце: она полюбила его. Как и подобало королеве, Виктория сама сделала предложение Альберту. Несмотря на некоторую неловкость ситуации, Альберт принял предложение. Они сочетались браком 10 февраля 1840 г.

Замужество преобразило своенравный, упрямый характер Виктории, любящей окружать себя многочисленными придворными. Альберт уравнивал более высокое положение жены, безраздельно царя в домашней обстановке, и наказывал жену за проступки, лишая ее проявления своих чувств. Боясь лишиться мужа, на которого она постепенно привыкала полагаться, Виктория уступала, гармония восстанавливалась. Его письма, ранее адресованные «любимой Виктории», теперь начинались со слов «дорогое дитя!». И конечно, соотношение сил изменилось, когда у пары появились дети: с 1840 по 1857 г. у Виктории родились девять детей, причем все они дожили до взрослого возраста, что было редкостью в те времена.

К 40-м годам Альберт фактически осуществлял совместное с супругой правление во всех сферах жизни страны. Однако официально он не мог вмешиваться в государственные дела. Отсутствие у него титула было постоянным источником тревог и сожалений Виктории. В 1854 г., а затем в 1856 г. она добивалась, чтобы парламент провозгласил Альберта принцем-консортом.

Когда же и вторая попытка закончилась ничем, королева своей властью даровала мужу этот титул.

Альберт давал советы жене по различным вопросам ведения государственных дел, и она следовала его указаниям. По собственному почину он следил за строительством новой резиденции в Балморале в Шотландии и Осборн-Хауса на острове Уайт, а также курировал триумфальную выставку в Хрустальном дворце в 1851 г. Невозможно переоценить степень зависимости Виктории от ее супруга. Ее детям доставалось значительно меньше внимания. Она не могла ступить и шага без одобрения Альберта. Когда в 1861 г. Альберт умер, скорее всего, от рака желудка, Виктория была совершенно безутешна. Весь двор вместе с ней погрузился в такой глубокий траур, который был редкостью даже в соответствии со строгими обычаями того времени. Она провозгласила: *«Его желания, его планы во всем, его взгляды на все должны быть для меня законом! Никакая сила в мире не заставит меня отклониться от его решений и желаний»*. Лишь в 1872 г. королева вновь предстала перед подданными, да и то по настоянию самых преданных советников, которые опасались, что в массах укоренятся республиканские взгляды.

В характере Виктории сочетались противоположности: она была своевольной, но в то же время полностью подчинялась мужу; в политических вопросах была непреклонна до фанатизма, но постоянно колебалась под влиянием своеобразных личных симпатий и антипатий; во всеуслышание выступала против избирательного права для женщин (не терпела «популистских и вопиюще ошибочных *прав женщин*», как она писала одному из премьер-министров) и в то же время пользовалась большей властью, чем какая-либо другая женщина в мире, и наслаждалась титулом «Виктория, королева и императрица». Она умерла в 1901 г., отпраздновав восьмидесятилетие. Королева считала недостойным представлять на портретах и фотографиях улыбающейся (подобно нынешней «Виктории, королеве и императрице» – миссис Бэкхем), поэтому изображения невысокой ростом (менее полутора метров), коренастой женщины со строгим лицом, облаченной в черное, стали каноническими. Но на фотографии, сделанной в 1898 г. Чарльзом Найтом, который сумел захватить ее врасплох, Виктория улыбается, и улыбка полностью преображает ее.

Первое из приведенных ниже писем было написано Альберту за десять дней до свадьбы. В нем Виктория предстает в своем «раннем» образе, когда она еще считала возможным утверждать свою власть над будущим супругом: он высказывался за длинный медовый месяц за городом, а Виктория без обиняков напоминает

ему, что дела требуют ее присутствия в Лондоне. Но положение быстро изменилось. Второе письмо, написанное дяде Виктории, королю Леопольду, свидетельствует о том, каким горем стала для нее смерть мужа.

Королева Виктория – принцу Альберту (31 января 1840 года, отправлено из Букингемского дворца)

В одном из писем Вы упоминали о нашем пребывании в Виндзоре, но, дорогой Альберт, Вы явно чего-то не понимаете. Любимый мой, Вы забываете, что я правлю государством, и эта работа не может подождать, ее нельзя приостановить. Заседания парламента продолжаются, что-то происходит почти каждый день, мое присутствие может понадобиться, поэтому мое отсутствие недопустимо, следовательно, оно может продолжаться самое большее два-три дня. Мне не будет ни минуты покоя, если меня не окажется на месте, если я не смогу видеть и слышать, что происходит, и все вокруг, в том числе мои тетушки, весьма сведущие в подобных вопросах, считают, что я должна приступить к делам уже на третий день, ибо в окружении двора я не могу рассчитывать на уединение. Кроме того, этого я и сама желаю.

Теперь о гербе. Как английский принц, Вы не можете претендовать на него, и дядя Леопольд не имеет права делить на четверти английский герб, но правитель может разрешить это данной ему королевской властью: на такой шаг пошел ради дяди Леопольда принц-регент, и я сделаю то же самое для Вас. Но это возможно только при условии королевского повеления.

Следовательно, я без промедления распоряжусь выгравировать для Вас печать... Я прочла в газетах, что Вы, дорогой Альберт, получили много орденов, а также что королева Испании пожалует Вам орден Золотого Руна...

Прощайте, дражайший Альберт, и почаще думайте о своей

преданной
Виктории Р.

Королева Виктория – королю Бельгии (20 декабря 1861 года, отправлено из Осборна)

Мой дражайший, добрейший отец, ибо я *всегда* любила вас как отца! Несчастливая малютка, восьми месяцев от роду лишившаяся отца, стала убитой и раздавленной горем сорокадвухлетней вдовой! Моя *счастливая жизнь кончена!* Я лишилась целого *мира!* Если мне *суждено жить* и дальше (и я постараюсь стать ничем не хуже, чем есть), значит, впредь я буду жить только ради наших бедных, оставшихся без отца детей, ради моей несчастной страны, которая в его лице лишилась *всего сразу*, и при этом я намерена поступать *только так*, как *пожелал бы он*, ибо он рядом со мной, его дух направляет и вдохновляет меня! Но оказаться отрезанной от мира во цвете лет, увидеть нашу чистую, счастливую, тихую, домашнюю жизнь, *единственно* способную примирить меня с моим *пренеприятным* положением, и оказаться отлученной от нее в сорок два года, когда я *так* рассчитывала, что Господь *никогда не разлучит* нас, даст нам состариться вместе (хотя он часто заговаривал о мимолетности жизни) – *как же это ужасно, как жестоко!* Но, возможно, *это было сделано* ради его блага, его счастья! Он был *слишком* чист, его устремления были слишком возвышенны для этого жалкого, ничтожного мира! Его великая душа *только теперь* наслаждается *благодатью*, которой она была достойна! Я не завидую ему, только молюсь, чтобы моя душа совершенствовалась, дабы пребывать с ним в вечности, блаженного мига устремления в которую я с нетерпением жду. Милый, милый дядя, *как хорошо*, что Вы приедете! *Утешение* будет невыразимым, Вы так хорошо

умеете объяснять людям, как им надлежит поступать. Что до моих добрых слуг, в особенности бедняжки Фиппс, никто не сравнится с ними в преданности, никто не горюет больше, чем они, и не старается во всем исполнять *его волю*!

Приезжала добрая Алиса, она чудесна.

26-е полностью устроит меня. Вечно преданное Вам несчастное дитя

Виктория Р.

Эмили Дикинсон

(1830–1886)

*Иногда я закрываю глаза и закрываю сердце для тебя,
из всех сил пытаюсь забыть, чтобы не печалиться, но
ты не уходишь, о, нет, и никогда не уйдешь...*

Эмили Дикинсон, принадлежащая к числу величайших поэтов XIX в., родилась в знатной массачусетской семье. Ее дед был основателем колледжа в Амхерсте, отец – его казначеем и членом суда штата Массачусетс. Он служил в сенате штата и в палате представителей. У Эмили был старший брат Остин и младшая сестра Лавиния.

Эмили получила образование в Академии Амхерста, затем провела год в женской семинарии Саут-Хэдли, ныне колледж Маунт-Холиоук. В 1848 г., после годичного обучения в семинарии, она вернулась в принадлежащий семье дом, где прожила до конца своих дней. Пределы Амхерста она покидала только во время поездки в Вашингтон, округ Колумбия, в Филадельфию и нескольких путешествий в Бостон. Писать стихи Эмили начала в двадцать с небольшим лет, находя для этого время в промежутках между выполнением домашних обязанностей.

Отдаление Эмили Дикинсон от всего мира, кроме близких родственников, происходило постепенно, но совпало с самым продуктивным периодом ее творчества, пришедшимся на начало 60-х гг. Ее самым влиятельным литературным наставником был писатель и сторонник радикальных взглядов Томас Уэнтуорт Хиггинсон. После того как в 1862 г. он опубликовал в журнале *Atlantic* статью с советами для молодых писателей, Эмили написала ему и приложила несколько своих стихов. Он оказал ей поддержку (хотя и был слегка смущен своеобразным стилем Эмили), и они продолжали переписываться на протяжении всей ее жизни, хотя встретились лишь однажды в 1870 г. в Амхерсте.

Наиболее близкие отношения Эмили Дикинсон поддерживала с Сюзан Гилберт, с которой познакомилась еще девочкой в Академии Амхерста и которой написала более трехсот писем. В 1856 г., после четырехлетнего периода ухаживаний, Сюзан вышла замуж за брата Эмили, Остина. Супруги построили дом по соседству. Брак оказался неудачным, но супруги прожили вместе до самой смерти Эмили.

О жизни в Амхерсте повествуют наброски биографии,

оставленные Эмили Дикинсон, которые стали благодатной почвой для неуместных догадок и поверхностного психоанализа. Споров не вызывает лишь то, что уединенная жизнь дала Эмили возможность написать почти 1800 стихотворений. Лишь несколько из них были опубликованы при ее жизни, однако они в конце концов изменили представления людей о поэзии.

После смерти Эмили в 1886 г. в ее комнате нашли более сорока «выпусков» – рукописных томиков стихов, которые Эмили сама составляла и сшивала. Отдельные подборки были опубликованы (в том числе под редакцией Томаса Уэнтуорта Хиггинсона) в 1890–1935 гг., однако большинство стихов подверглось радикальной переработке в соответствии с бытующими в то время представлениями о том, какой должна быть поэзия. Лишь в 1955 г. в свет вышел сборник под названием «Стихи Эмили Дикинсон» под редакцией Томаса Х. Джонсона. В них был восстановлен принципиально особый синтаксис, прием использования заглавных букв и пунктуация, свойственные Эмили Дикинсон. Ее истинный талант наконец открылся широкой публике.

Эмили Дикинсон – Сюзан Гилберт (Дикинсон) (6 февраля 1852 года)

Ты позволишь мне прийти, милая Сюзан, в том виде, в каком я есть: в запачканном и поношенном платье, в огромном старом переднике, с волосами... О, Сюзан, время не дает мне подробно описывать свою внешность, но я люблю тебя так же горячо, как любила бы, если бы была безупречна. Так что тебе за дело, правда? Я так рада, милая Сюзан, что наши сердца всегда так чисты, незапятнанны, прелестны, что их незачем стыдиться. Сегодня утром я старательно трудилась. Мне следовало бы работать и сейчас, но я не могу отказать себе в роскоши побыть минутку-другую с тобой.

Посуда может подождать, дорогая Сюзан, неубранный стол никуда не убежит – *они-то* всегда со мной, а ты не всегда. Да ведь у Христа *множество* святых, Сюзан, а у меня *всего несколько*. Но Сюзан ангелы не получают, нет-нет!

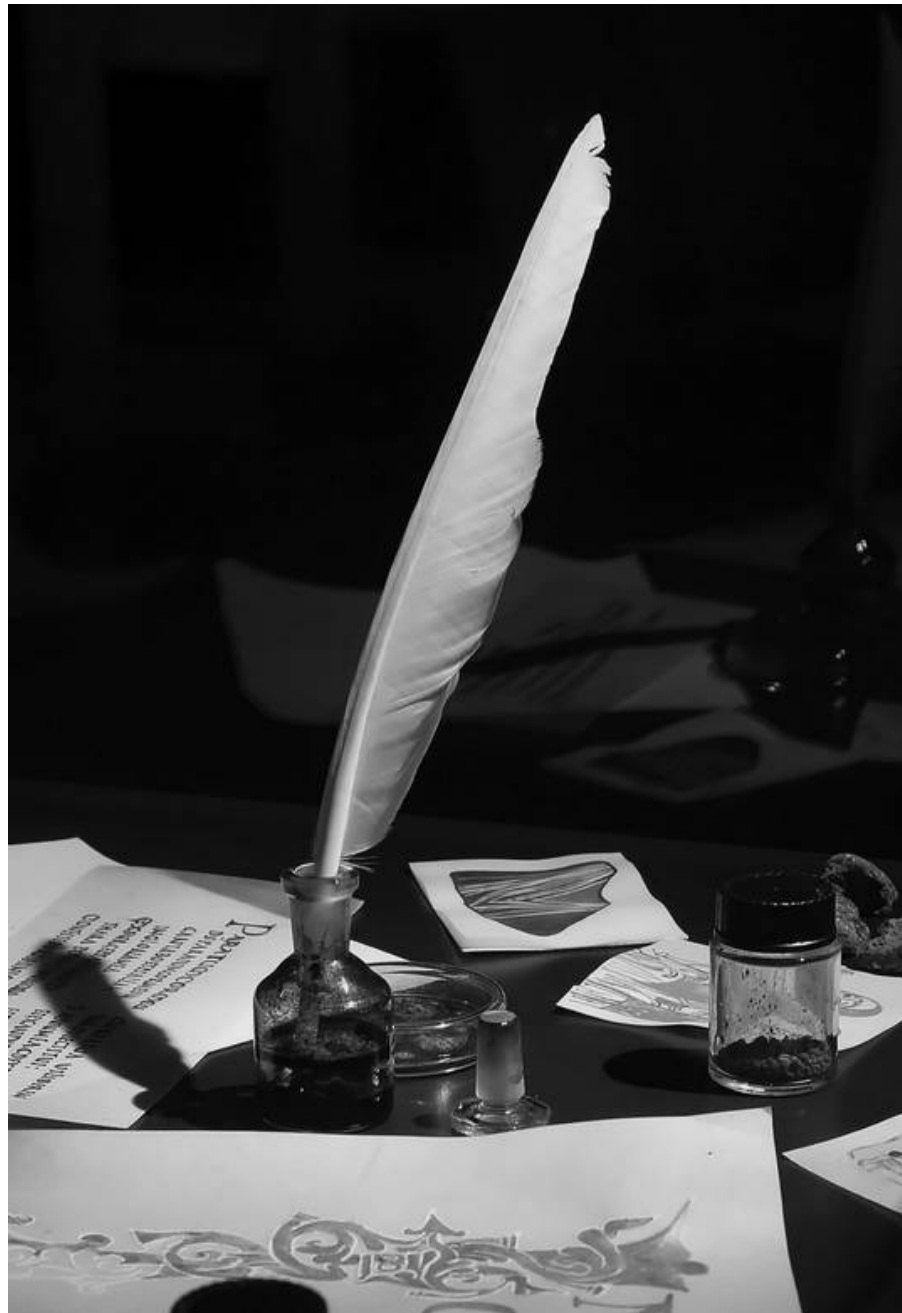
Винни увлеклась шитьем, как швея *из романа*, и я уже жду, что у дверей появится какой-нибудь рыцарь, объявит себя *ничтожеством* пред ее лицом и отдаст ей руку и сердце как свое единственное имущество, достойное того, чтобы отдать его.

Сегодня мы с Винни говорили о старости. Винни считает, что *двадцать* – опасный возраст, а я говорю, что мне нет дела, молода я или нет, да пусть будет хоть тридцать и ты, и больше ничего не нужно. Винни посочувствовала моему «жухлому и желтому листу», и я снова взялась за работу. Дорогая Сюзан, сообщи, как думаешь *ты*, не правда ли, бывают в жизни дни, когда старость не кажется столь печальной...

Этим утром я чувствую себя серой и унылой и думаю, что было бы утешением иметь писклявый голос, надорванную спину и пугать младенцев. Но *ты* не убегай, голубка Сюзи, я не причиню тебе вреда, я люблю тебя так нежно, что мне страшно.

О, моя дорогая, как долго тебя нет со мной, как я устала ждать и высматривать и звать тебя. Иногда я закрываю глаза и закрываю сердце для тебя, изо всех сил пытаюсь забыть, чтобы не печалиться, но ты не уходишь, о, нет, и никогда не уйдешь – одно только слово, Сюзи, еще одно обещание, и я слабо улыбнусь и снова буду нести свой крестик *грустной-грустной* разлуки. Какими напрасными кажутся *написанные* слова, когда знаешь, каково это, насколько это близко и дорого сидеть рядом с тобой, говорить с тобой, слышать твой голос; как трудно «отвергнуться себя и взять крест свой, и следовать за Мною». Дай мне силы, Сюзи, напиши о надежде и любви, и о *многотерпеливых* сердцах, и о том, как велика будет награда «нашего Отца небесного». Не знаю, как я вынесу это, когда придет ласковая весна; если она придет, увидит меня и заговорит со мной о тебе, о, это наверняка меня убьет! Пока мороз жмется к окнам, пока весь *мир* суров и мрачен, сносить разлуку легче; земля тоже скорбит по всем своим птичкам, но, когда они вернутся, она запоет и возрадуется. Боже, что станет со мной? Сюзи, прости меня, забудь все, что я сказала, вели кому-нибудь из милых учениц прочесть кроткий гимн о Вифлееме и Марии, и ты сладко уснешь и будешь видеть мирные сны, словно я и не писала тебе об этих мерзостях. Не обращай внимания на это письмо, Сюзи, я не стану сердиться, если не добьюсь от тебя ничего, ибо я знаю, как ты занята и как мало сил остается к вечеру, чтобы думать и писать. Только *пожелай* написать мне, лишь иногда вздохни о том, что я так далеко, и этого хватит, Сюзи! Не кажется ли тебе, что мы добры и терпеливы, если отпустили тебя так надолго? И разве мы не считаем тебя чудом, настоящей героиней, ведь ты трудишься для людей, учишь их, покинув свой родной дом? Если мы страдаем и ропщем, не подумай, что мы забыли об отважном патриоте, воюющем на чужбине! Не скорби, Сюзи, будь счастлива и весела, ибо прошло много бесконечных дней с тех пор, как я тебе писала, а уже почти полдень, скоро наступит ночь, и тогда долгое паломничество станет днем короче. Мэтти, умник, *то и дело* говорит о тебе, моя милая. А теперь оставляю тебя. Хвала тому, кто даровал мне «один краткий час райского блаженства» и вдобавок дарует другой, долгий и *большой*, когда ему будет угодно. Верни же Сюзи домой! Люблю всегда, вечно и верно!

Эмили

Изабелла Мейсон (миссис Битон)

(1836–1865)

Спокойной ночи, мой любимый, пусть ангелы направляют и оберегают тебя, навешают сладкие сны отнюдь не в унылых тонах...

Изабелла Мейсон родилась неподалеку от лондонского Чипсайда. Она была старшей из четверых детей в семье. Ее отец Бенджамин Мейсон, торговец полотном, умер, когда ей исполнилось четыре года. В 1843 г. ее мать Элизабет вышла замуж за Генри Дорлинга, который служил на ипподроме в Эпсоме. Генри был вдовцом с четырьмя детьми. Помимо восьми детей от других браков, супруги за ближайшие двадцать лет обзавелись, как ни трудно в это поверить, еще тринадцатью. В итоге Изабелла стала старшей в компании из двадцати одного человека, которую составили ее родные и сводные братья и сестры. Неудивительно, что она в совершенстве овладела искусством вести домашнее хозяйство.

Изабелла получила образование в Гейдельберге, где занималась преимущественно музыкой и языками. А когда обнаружила, что ей удастся работа с тестом, то после возвращения в Эпсом в 1854 г. продолжила учебу у местного кондитера.

В 1856 г. Изабелла вышла замуж за Сэмюэля Орчарта Битона, издателя книг и журналов, который рано добился успеха, издав «Хижину дяди Тома» аболиционистки Гарриет Бичер-Стоу. В числе периодических изданий, выпускаемых Сэмюэлем, был «Журнал домоводства для женщин Англии» (*English Woman's Domestic Magazine*), который выходил раз в месяц и стоил два пенни. Миссис Битон приняла активное участие в делах мужа почти сразу же после свадьбы. К 1859 г. она стала «редактрисой» журнала. У нее обнаружилась склонность к новаторству: из Парижа она привезла массу идей, в том числе вклейки-иллюстрации и выкройки для читательниц как приложения к каждому номеру. На протяжении следующего века и то и другое широко применялось в женских журналах.

Вершиной достижений миссис Битон, прославившей ее имя, стала «Книга домашнего хозяйства миссис Битон» (*Mrs Beeton's Book of Household Management*), которая издавалась частями с 1859 по 1861 г., а затем вышла отдельным иллюстрированным

изданием, за которым последовали многочисленные публикации для широкого читателя. Свою позицию миссис Битон изложила в предисловии: «Я всегда считала, что нет более изобильного источника раздоров в доме, чем неопрятность и невкусная стряпня его хозяйки». Предназначавшаяся для зарождающегося в викторианскую эпоху среднего класса «Книга домашнего хозяйства» представляла собой не просто сборник рецептов: она охватывала все аспекты домашней работы, в том числе распределение бюджета, надзор за слугами, этикет (о чашах для ополаскивания пальцев: «Французы и другие жители континента имеют привычку полоскать рот, однако этот обычай ни в коем случае не должна перенимать английская дама»), гигиену, одежду, первую помощь, уход за детьми и даже юридические вопросы, связанные с приобретением дома, предоставлением жилья в аренду, страхованием собственности, составлением завещания. «Книга домашнего хозяйства» – монументальный труд, в настоящее время представляющий интерес как обширная панорама жизни женщин, принадлежащих к среднему классу викторианской эпохи. Несмотря на то что первоначально его читательницами были преимущественно недавно вышедшие замуж женщины, сейчас его можно рассматривать как бесценный документ, освещающий практически все аспекты повседневной жизни того периода.

За время, пока Изабелла составляла «Книгу домашнего хозяйства», она родила четырех сыновей, двое из которых умерли: один в первый же год, другой в трехлетнем возрасте. Изабелла умерла от перитонита и родильной горячки через восемь дней после рождения ее четвертого сына, Мейсона, в феврале 1865 г. в довольно молодом возрасте: ей было всего двадцать восемь лет. Сэмюэль пережил ее на двенадцать лет и в тридцать семь скончался от туберкулеза. Его счастливое и невероятно плодотворное сотрудничество с женой продолжалось лишь восемь с половиной лет.

Изабелла Мейсон (миссис Битон) – Сэму Битону

(26 мая 1856 года, отправлено из Эпсома)

Мой родной Сэм,

поскольку два или три небольших момента в твоём вчерашнем послании весьма озадачили меня, я решила написать и попросить объяснений. Ты наверняка скажешь, что я поступила очень глупо, ведь уже в среду утром мы увидимся. Несомненно, ты сочтешь, что я могла бы [спросить тебя] при встрече, а не тревожить очередным невразумительным посланием...

...Какое право ты имеешь вызывать в своем плодovitом воображении столь отвратительные картины, как сглаживание острых углов, когда есть та, что любит тебя сильнее, чем кто-либо, по меньшей мере на этой земле.

О, Сэм, думаю, с твоей стороны нехорошо воображать подобные ужасы. Ты говоришь также, что, по-твоему, я вряд ли смогу действовать по своему разумению, будучи предоставлена самой себе. Должна признаться, я всегда прислушивалась к своим родителям, уважала их, была внимательна к их словам (я имею в виду те, что касаются некоторых вопросов), но в самом ближайшем времени я буду всецело подчинена тебе, и, уверяю, ты найдешь в моем лице самую смирную и покладистую ученицу.

Прошу, не воображай, что, когда я стану твоей, все будет продолжаться так же, как идет теперь. Боже упаси. Уж лучше сразу положить конец этому делу, если мы хотя бы отчасти допускаем *такую* возможность. Так что, прошу тебя, не страшись нашего будущего счастья.

Постарайся увидеть светлую сторону, и, несомненно,

благодаря любви, которая, как мне доподлинно известно, связывает нас, мы будем веселы и довольны, так что острые углы нам понадобится смягчать лишь изредка, совсем не так часто, как тебе кажется...

Мне не спалось, пока я не написала тебе, поэтому прости мне этот вздор. Спокойной ночи, мой любимый, пусть ангелы направляют и оберегают тебя, навевают сладкие сны отнюдь не в унылых тонах, и постарайся принять нежнейшую и самую искреннюю любовь твоей Беллы.

Сожги это письмо сразу же по получении.

Мэри Уиндем (леди Элко) (1862–1937)

...я считаю своим долгом ставить вас на место (на колени у моих ног), и, лыцу себя надеждой, это мне удалось.

Мэри Уиндем родилась в Белгравии в аристократической и артистической семье. Ее отец был покровителем прерафаэлитов (английские художники и писатели 2-й половины XIX в., ставившие целью возрождение «искренности», «наивной религиозности» средневекового и раннеренессансного искусства («до Рафаэля»). В доме постоянно бывали художники, поэты и писатели. Мэри получила домашнее образование. В 1883 г. родные убедили поразительно прекрасную юную женщину (ее портреты писали Эдвард Пойнтер и Сарджент) выйти замуж за Хьюго Ричарда Чартериса, лорда Элко. Чартерис был обаятельным мотом, брак оказался несчастливym. Мэри часто оставалась одна с детьми (она родила семерых детей в период между 1884 и 1902 гг.). Но если Хьюго она так и не полюбила, то привязалась к дому, который подарил им свекор. Это был особняк Стенвей в Глостершире, построенный в элегантном якобитском стиле из котсуолдского камня медового оттенка. Он был окружен прекрасным парком с живописными водоемами XVIII в. и амбаром XIV в. Дом стал излюбленным местом собраний передовых представителей общества, а Мэри – одной из прославленных хозяек салонов того времени. Но в особенности дом известен как неофициальная штаб-квартира кружка, впоследствии известного как «Соулз» (*The Souls*). Члены «Соулз», бывшего в некотором отношении предшественником кружка «Блумсбери» (*Bloomsbury Group* – элитарная группа английских интеллектуалов, писателей и художников, выпускников Кембриджа), отказывались от традиционного аристократического времяпрепровождения – охоты и фанатичного интереса к скачкам – в пользу бесед, музыки и игр в слова. Одним из лидеров кружка был Артур Бальфур, в то время еще рядовой член парламента и юнионист, впоследствии – премьер-министр.

Бальфур так и не женился и, по-видимому, не проявлял интереса к интимным отношениям. Однако томный, интеллектуальный и обычно малообщительный философ и политик обрел в лице Мэри человека, которому он мог

довериться, а она, в свою очередь, обнаружила, что муж так и не стал для нее родственной душой. Марго Асквит, еще одна представительница «Соулз», утверждала, что Бальфур никогда не был влюблен, и в доказательство приводила его ответ на вопрос, не огорчится ли он, если она, Мэри и еще один их общий друг умрут: «Я огорчусь, если все вы умрете в один день».

Дружба и переписка Мэри и Бальфура продолжались сорок лет, до его смерти в 1930 г. Очевидно, Мэри была энергичной и умной женщиной, вынужденной почти всю жизнь провести в браке без любви. В 1895 г. она предприняла поездку в Египет, откуда после романа с путешественником Уилфридом Скавеном Блантом вернулась беременной. Ее муж принял ребенка как своего по аристократическим обычаям того времени. В 1914 г. Хьюго унаследовал отцовский титул и великолепное поместье в Восточном Лотиане, куда удалился жить в роскоши вместе со своей любовницей. Мэри удалось остаться в Стенвее только благодаря благосклонности драматурга Джеймса Барри. В Первую мировую войну Мэри потеряла двух сыновей и в память о них написала историю их жизни, озаглавленную «Семейная летопись» (*A Family Record*) и опубликованную в 1932 г. После целой жизни, проведенной в Стенвее, Мэри Чартерис умерла в ближайшем доме престарелых в 1937 г.

Мэри Уиндем (леди Элко) – Артуру

Бальфуру

**(19 января 1904 года, написано в поезде
между Оксфордом и Уориком)**

После расставания с Вами в воскресенье вечером на меня накатило уныние, и, как мне показалось, Вы тоже выглядели слишком печально, что несколько утешило меня, хотя звучит неучтиво. Ужасно уезжать в такой час, но почти неизбежно, так что «не о чем сожалеть» в *этом* смысле (фраза Уитта), иначе и быть не могло, и, думаю, с моей стороны это весьма похвально – так ловко все уладить и ухитриться встретиться с Вами – как видите, я считаю своим долгом *ставить Вас на место* (на колени у моих ног), и, льщу себя надеждой, это мне удалось. Воскресенье слегка разочаровало меня, потому что, хотя совесть призывала отправить Вас в церковь, мне *понравилось* развлекаться с Вами утром. Я была в приподнятом настроении и совсем расшалилась, когда вбежали Вы (кстати, как *Вам не совестно* оставлять мое письмо у себя в комнате), а потом последовала долгая прогулка и один час в вашей комнате, слишком короткий по сравнению с днем, да и тот пропал за разговорами о делах. Меня устроят два часа: один – для скучных вещей, другой – чтобы ставить Вас на место; знаю, я уделяю слишком много внимания и тому и другому, и чем больше, как мне кажется, Вы скучаете, тем сильнее усердствую, а это неправильно. Терпеть не могу спешить, но приходится, когда времени в обрез. Затем промежуток между чаем, ужином и отъездом выдался слишком напряженным, потому что мне так хотелось увидеться с Вами с глазу на глаз, и я не переставала *гадать*, можно ли устроить это, но, само собой,

нельзя, ведь я не озаботилась заранее. Невозможно добиться Вашего внимания, и я уже подумывала, не попросить ли Вас показать мне что-нибудь в Вашей комнате или принести что-нибудь из нее. Наконец я отчаялась, и все душевные и физические силы покинули меня, как воздух проколотый шарик. У меня какая-то боль в боку. Поездка в автомобиле была очень славной, но нет ничего приятного в том, чтобы *уезжать* в нем. Я дала Миллсу на чай...

Хотела бы я иметь автомобиль. Забыла сказать: вторник 6-е полностью устраивает меня. Я предпочла бы свободную неделю в Стенвее, но Вы выбирайте то, что Вам подходит.

До свидания. Храни Вас Бог.

М. Э.

Надеюсь, у Вас все хорошо? Уничтожьте.

Эдит Ньюболд Джонс (Уортон) (1862–1937)

И если стоит тебе войти в комнату, как меня словно охватывает пламя, (...) если в твоих объятиях я лишаюсь дара речи (...) зачем мне бояться твоих насмешек.

Эдит Уортон, урожденная Эдит Ньюболд Джонс, происходила из видной нью-йоркской семьи, склотившей состояние на морских грузоперевозках, банковских операциях и недвижимости. Эдит выросла в особняке из темного песчаника на 23-й улице возле самой Парк-авеню и получила образование, занимаясь с гувернанткой и читая книги из отцовской библиотеки. Обладая врожденным талантом рассказчицы, свой первый роман она дописала к пятнадцати годам (он так и не был опубликован).

Ее мать Лукреция, законодательница высшего света Нью-Йорка, беспокоилась, что ее умная и начитанная дочь не сумеет найти себе мужа. В 1885 г. Эдит вышла за Эдварда Роббинса Уортона по прозвищу Тедди, приятеля ее брата. Бостонец Тедди придерживался того же беспечного, требующего больших денежных затрат образа жизни, что и семья его молодой жены, но, к сожалению, несовпадение их темпераментов усугубляло отсутствие общих интересов.

Стремление Эдит Уортон вести себя соответственно положению светской дамы и в то же время давать волю творческим порывам привело к тому, что после юношеского взрыва продуктивности она вплоть до тридцати восьми лет не писала художественной прозы. Но ежегодные поездки в Европу побудили ее писать об искусстве, архитектуре, парках и дизайне интерьеров. Ее первой публикацией стала книга «Украшение дома» (*The Decoration of Houses*), написанная в соавторстве с дизайнером Огденом Кодменом. В книге доказывались преимущества классически элегантного, сдержанного и простого стиля перед преобладавшей в то время модой на громоздкую мебель, мрачную цветовую гамму и беспорядочное смешение стилей.

Первый ставший бестселлером роман Эдит «Дом радости» (*The House of Mirth*) был посвящен светской жизни старого Нью-Йорка, среде, в которой она выросла. Он был опубликован в 1905 г. В то время Эдит почти весь год проводила на западе

Массачусетса, на классической вилле, построенной по ее собственному проекту и названной «Маунт» («Гора»). Тедди Уортон страдал усиливающейся душевной болезнью. Одна из подруг Эдит писала: «Мания мистера Уортона побуждает его покупать особняки и автомобили для актрис мюзик-холла, занимать гигантские люксы в отелях, напиваться и крушить мебель, распускать ужасные слухи о своей жене».

В 1907 г. Генри Джеймс, который стал близким другом Эдит, познакомил ее с Мортонем Фуллертоном, уроженцем Бостона, парижским корреспондентом лондонской *Times*. Влюбившись в него, Эдит переселилась в Париж. Однако она вновь ошиблась в выборе: разведенного бисексуала Фуллертона шантажировала его гомосексуальным прошлым бывшая любовница, у него был якобы кровосмесительный роман с кузиной, которая выросла в доме его родителей. Отвратительное поведение Тедди по крайней мере объяснялось его душевным недугом, а Фуллертон был авантюристом до мозга костей и в целом подходил под определение «хам». Роман Эдит и Фуллертона продолжался с переменным успехом до 1911 г. Возможно, Фуллертон, узнав, что Эдит добивается развода со стремительно теряющим рассудок Тедди, решил, что пора отступать.

Остаток жизни Эдит провела во Франции. За работу во время войны – сбор средств и организацию приютов для французских и бельгийских беженцев – она была удостоена ордена Почетного легиона и, кроме того, стала военным корреспондентом, сообщаящим в США известия с фронта. В 1921 г. она получила Пулитцеровскую премию за роман «Эпоха невинности» (*The Age of Innocence*), в 1923 г. – почетную степень доктора литературы в Йельском университете. В 1930 г. она была избрана в Американскую академию искусств и литературы. Эдит умерла в 1937 г. в своем доме в Павильон-Коломб, к северу от Парижа. Ее часто называют «светской романисткой» или «бытовой романисткой». И то и другое определение носит уничижительный оттенок. Она была на редкость проникательной писательницей, обладала широким кругозором и способностью точно анализировать людские ошибки; ее интересы и темы не ограничивались гостинями старого Нью-Йорка.

**Эдит Ньюболд Джонс (Уортон) – У.Мортону
Фуллертону**
**(март 1908 года, отправлено из дома 58 по
рю де Варенн)**

Дорогой, пожалуйста, не забывай, как я тревожусь и как мне не терпится узнать следствия письма Белл...

Знаешь, о чем я думала вчера вечером, когда ты спросил, а я не смогла ответить? Лишь о том, что то, как ты тратишь свою эмоциональную жизнь, в то время как я – *bien malgre moi*^[3] – берегу свою, разделяет нас словно гигантской пропастью, причем мы оказываемся не просто на противоположных берегах, но и в безнадежно удаленных друг от друга точках этих берегов... Понимаешь, что я имею в виду?

И я так боюсь, что сокровища, которые мне не терпится показать тебе, которые прибыли ко мне на волшебных кораблях с очарованных островов, для тебя окажутся всего лишь давно знакомым красным коленкором и бусами хитроумного торговца, который заключает сделки на каждой широте и знает, что следует привезти, чтобы потрафить простодушным аборигенам. Я так боюсь этого, что зачастую прячу мои сверкающие сокровища обратно в сундук, лишь бы не видеть, как ты усмехаешься, глядя на них!

Ну что ж, а если ты и впрямь засмеешься? Тем хуже для тебя! И если стоит тебе войти в комнату, как меня словно охватывает пламя, если от твоего прикосновения у меня бьется сердце, если в твоих объятиях я лишаюсь дара речи, потому что все мои слова превращаются в судорожную пульсацию, а мои мысли – в золотистое сияние, зачем мне бояться твоих насмешек? Ведь я

способна превратить бусы и коленкор в такую красоту.

Роза Люксембург

(1871–1919)

Вы себе представить не можете, с какой радостью и нетерпением я жду писем от Вас, потому что каждое дает мне столько силы и счастья, побуждает меня жить.

Роза Люксембург родилась в Замосце близ Люблина, на принадлежавшей России территории Польши, и стала пятым ребенком в семье торговца лесом. Она получила образование в Польше, в 1886 г. вступила в польскую партию «Пролетариат». К 1889 г. она уже была известным политическим агитатором, ей пришлось бежать из Польши в Цюрих, чтобы спастись от тюремного заключения. Она продолжила учебу в университете Цюриха и получила докторскую степень в 1898 г. Там же она познакомилась с Лео Йогихесом, вместе с которым основала польскую социалистическую партию. Несмотря на продолжительный роман, Роза и Лео никогда не жили вместе: политика была для обоих важнее семейного счастья.

В 1898 г. Роза вышла замуж за Карла Любека, сына одного из друзей, чтобы перебраться в Берлин. Среди ее политических взглядов можно выделить два основных: скептическое отношение к национализму (она боролась за социалистическую революцию во всей Европе, а не в отдельных странах) и убежденность, что именно революция, а не реформы является единственным способом принести свободу массам.

В Германии Роза развернула агитацию против германского милитаризма и империализма, что приводило к частым конфликтам с властями, особенно после подстрекательств к массовым забастовкам. В июне 1916 г. при попытке организовать антивоенную забастовку Розу арестовали и заключили в тюрьму на два с половиной года. После того как власти нехотя освободили Розу в 1918 г., вместе с товарищами она основала германскую коммунистическую партию и газету «Красное знамя». В январе 1919 г. в разгар революционных беспорядков в Берлине Розу арестовали члены «фрайкорп» – военизированных отрядов, связанных с правым движением, которое как раз начинало набирать силу. Ее увезли в отель и избили до беспомощности, тело выбросили в Ландверский канал. Это убийство стали называть первым триумфом нацистской Германии.

Приведенное ниже письмо к Лео Йогихесу содержит,

вероятно, одно из самых трогательных (и, пожалуй, забавных) излияний в этой коллекции: благодаря Лео за подаренную книгу, Роза пишет: «Вы просто представить себе не можете, как я довольна Вашим выбором. Ведь Родбертус – мой любимый экономист...» (Родбертус разрабатывал преимущественно трудовую теорию стоимости). Эти слова подтверждают, что личные взаимоотношения Люксембург и Йогихеса никогда не стояли для них на первом месте, даже если они питали друг к другу любовь.

Роза Люксембург – Лео Йогихесу (6 марта 1899 года)

Тысячу раз целую Вас за милое письмо и подарок, хотя я его еще не получила... Вы просто представить себе не можете, как я довольна Вашим выбором. Ведь Родбертус – мой любимый экономист, я могу читать его сотни раз из чисто интеллектуального удовольствия... Дорогой мой, как Вы порадовали меня своим письмом. Я прочла его шесть раз от начала до конца. Значит, и Вы мной довольны. Вы пишете о том, что, возможно, знаю только я: где-то живет мужчина, созданный для меня! Знаете ли Вы, что чем бы я ни занималась, я всегда помню о Вас: когда я пишу статью, первая моя мысль – понравится ли это Вам; в дни, когда я сомневаюсь в своих силах и не могу работать, я боюсь только того, как это отразится на Вас и как Вас разочарует. Когда я получаю доказательства успеха, такие как письмо от Каутского, – это просто дань моего уважения к Вам. Клянусь Вам любовью к матери, что лично я довольно равнодушна к тому, что пишет Каутский. Я обрадовалась его письму только потому, что смотрела на него Вашими глазами и чувствовала, сколько удовольствия оно доставило бы Вам.

...Только одно подтачивает мое довольство: внешнее устройство Вашей жизни и наших отношений. Мне кажется, скоро я займу такую прочную позицию (в нравственном отношении), что мы сможем жить вдвоем совершенно спокойно, открыто, как муж и жена. Уверена, Вы сами понимаете это. Я счастлива, что вопрос Вашего гражданства наконец-то решается и что Вы энергично работаете над диссертацией. По Вашим письмам чувствуется, что Вы весьма настроены на работу...

Вы думаете, я не понимаю Вашей ценности, не знаю, что,

когда бы ни прозвучал призыв к оружию, Вы всегда будете рядом, чтобы оказать мне помощь и подбодрить в работе, забыв все ссоры и всю мою небрежность!

Вы себе представить не можете, с какой радостью и нетерпением я жду писем от Вас, потому что каждое дает мне столько силы и счастья, побуждает меня жить.

Меня особенно порадовала та часть Вашего письма, где Вы пишете, что мы оба молоды и еще можем устроить нашу личную жизнь. О, милый, как я мечтаю, чтобы Вы исполнили это обещание... Наша комнатка, наша мебель, своя библиотека, тихая и регулярная работа, совместные прогулки, время от времени – опера, маленький – очень маленький – круг близких друзей, которых можно иногда пригласить на ужин, каждое лето – выезд на месяц за город, чтобы никакой работы!.. И, может быть, даже маленький ребенок, совсем крошечный? Это допустимо? Хотя когда-нибудь? Дорогой, знаете, что настигло меня вчера на прогулке в парке? И я ничего не преувеличиваю. Ребеночек, лет трех-четырёх, в красивом платьице, со светлыми волосами: он уставился на меня, а я вдруг ощутила всепоглощающее желание схватить его и стремглав унести домой. О, милый, будет ли у меня когда-нибудь родное дитя?

А в своем доме мы больше никогда не будем спорить, верно? Он должен быть тихим и мирным, как у всех. Только Вы знаете, что тревожит меня; я уже чувствую себя такой старой и ничуть не привлекательной. У Вас не будет миловидной жены, чтобы гулять с ней рука об руку по парку. Мы будем сторониться немцев... Дорогой, если Вы сначала уладите вопрос своего гражданства, потом – диссертации и, в-третьих, открыто поселитесь со мной в нашей комнате и будете работать вместе со мной, тогда нам больше не о чем мечтать! Ни у одной пары в мире нет таких условий для счастья, как у нас с Вами: стоит нам только захотеть, и мы будем, мы должны быть счастливы.

Императрица Александра (1872–1918)

Благословляю и люблю тебя, как никого никогда не любила, целую каждое любимое местечко, нежно прижимаю тебя к сердцу.

Матерью Александры была принцесса Алиса, вторая дочь королевы Виктории, отцом – великий герцог Гессенский Людвиг. Принцесса Алиса, энергичная и дальновидная, особенно усердно занималась благотворительностью в сфере обучения и профессиональной подготовки женщин. Она умерла от дифтерии после посещения больницы, когда Александре было всего шесть лет.

Александра и русский царевич Николай полюбили друг друга вопреки возражениям королевы Виктории и царя, отца Николая. Но когда здоровье царя пошатнулось, препятствия были наконец преодолены. Он умер 1 ноября 1894 г. В конце того же месяца Николай и Александра поженились, Александра стала царицей. Но жизнь при русском дворе оказалась непростой. Многие подозревали Александру в прогерманской деятельности, что послужило поводом для еще более серьезных конфликтов с началом Первой мировой войны. Аристократия считала ее недостаточно величественной для титула императрицы, а свекровь, вдовствующая императрица, делала все возможное, чтобы подорвать ее авторитет, в том числе открыто высмеивала за то, что за десять лет брака Александра произвела на свет только дочерей. Наконец в 1904 г. родился царевич Алексей. Радость и облегчение матери сменились страданиями, когда выяснилось, что ему по наследству передалась гемофилия, в то время часто приводящая к летальному исходу. Особенно тяжело было осознавать, что болезнь передалась по материнской линии: носительницей была королева Виктория.

Боясь за слабое здоровье сына, которому оказались бессильны помочь врачи, Александра обратилась к целителям, ясновидцам и мистикам. Наиболее печальной известностью среди них пользовался старец Распутин с темным прошлым и сомнительными рекомендациями. На фотографиях он предстает перед нами мужчиной средних лет, с длинной бородой, сальными волосами, в якобы набожной позе и с безумным выражением лица – признаком истинного мистика или юродивого. Распутин был

еще менее популярным у народа и знати, чем Александра, если такое возможно; в 1916 г. группа придворных убила его.

По некоторым свидетельствам об отношениях Александры с этим шарлатаном можно сделать вывод, что она одна повинна в том, что в России произошла революция. Но к 1917 г. страна стояла на коленях: повсюду свирепствовал голод, по вине командования война затянулась, солдаты расстреливали демонстрации протестующих, а царь – при полной поддержке Александры, как видно из приведенного далее письма, – отказался от каких бы то ни было конституционных реформ. После Февральской революции Николай был вынужден отречься от престола. Большевики держали царя и его семью под арестом в разных местах, пока не перевезли в Екатеринбург, на Урал. Там ночью с 16 на 17 июля 1918 г. охрана подняла всю семью и троих слуг, увела из спален в подвал здания и зверски расстреляла и заколола штыками.

Императрица Александра – царю Николаю II

Милый мой, мои телеграммы суховаты, так как проходят через слишком много рук военных, но ты прочтешь между строк всю мою любовь и тоску. Любимый, если ничего подобного ты не чувствуешь, непременно обратись к Феодорову и приглядывай за Фредериксом.

Мои самые усердные молитвы будут сопровождать тебя день и ночь. Вверяю тебя в руки нашего Господа, дабы он оберегал, направлял и наставлял тебя и привел невредимым обратно.

Благословляю и люблю тебя, как никого никогда не любила, целую каждое любимое местечко, нежно прижимаю тебя к сердцу. Вечно твоя верная старая женка.

Образ проведет ночь под моей подушкой, прежде чем я передам его тебе с сугубым благословением.

Императрица Александра – царю Николаю II

(4 декабря 1916 года, отправлено из Царского Села)

Драгоценный мой, до свидания, любимый!

Так больно отпускать тебя – хуже, чем даже после трудных времен, которые мы пережили и одолели. Но Господь, который есть любовь и милосердие, даровал перемены к лучшему: еще немного терпения и глубочайшей веры в молитвы и помощь нашего друга, и все наладится. Я глубоко убеждена, что для Вашего Величества и России грядут великие и прекрасные времена. Только не падай духом, не поддавайся влиянию разговоров и писем, пусть пройдут мимо как что-то нечистое и поскорее забудутся.

Покажи всем, что ты государь, и тебе будут повиноваться – время снисходительности и милосердия прошло. Наступает твое царство воли и власти, и перед тобой склонятся и будут слушать твои приказы; работай так и с тем, с кем захочешь, – их пора научить послушанию, они не знают, что значит это слово, ты избаловал их добротой и всепрощением.

Почему люди ненавидят меня? Потому что знают, как сильна моя воля. И когда я убеждена в своей правоте (и, кроме того, с благословения Григория), я не меняю своего мнения, а они не могут этого вынести. Но только дурные люди.

Вспомни слова мистера Филлипса, когда он сравнил меня с колокольчиком. Ты так добр, доверчив и покладист, что я должна быть твоим колокольчиком, тогда кто бы ни приблизился ко мне с недобрыми намерениями, я предупрежу тебя. Те, кто боится меня – не глядят мне в глаза, кто замышляет недоброе – не любят меня. Посмотри на злодеев – Орлов и Дрентельн, Витте, Коковцев, Трепов и, я чувствую, Макаров, Кауфманн, София Ивановна, Мари, Сандра Обленски и пр. Но все, кто добр и предан тебе всей душой, любят меня. Посмотри на простой народ и солдат. Хорошие и дурные священники все как на виду и потому уже не причиняют мне боли, как в молодости. Но когда кто-то позволяет себе писать тебе или мне гадкие, дерзкие письма – ты обязан наказать его.

Аня рассказала мне о Балашове (я всегда его недолюбливала). Я понимаю, почему ты так поздно пришел спать и почему почерк был такой болезненный и тревожный. Прошу,

милый, вели Фредериксу написать ему резкий герриманд; он с Николаем Михайловичем и Васс заодно. Такая важная птица при дворе, что смеет писать, когда его не просят. И это уже не в первый раз. Помню, он и раньше так делал. Разорви письмо, а его побрани хорошенько, вели Воейкову напомнить старику. Такой щелчок по носу будет очень полезен самодовольному члену Императорского совета.

Мы не допустим пренебрежения. Твердость превыше всего! Теперь, когда ты назначил сына Трепова председателем совета министров, можешь усерднее настаивать на его работе с Протопоповым, пусть докажет свою благодарность. Не забывай запрещать Гурко высказываться и вмешиваться в политику, это во вред Николаше и Алексееву. Последнему Бог послал недуг, явно чтобы спасти тебя от человека, который сбился с пути и теперь только вредит, прислушиваясь к дурным письмам и людям вместо того, чтобы слушать твои военные приказы и проявлять упорство. Против него меня настроило доказательство – то, что он сказал старому Иванову.

Но скоро все пройдет, уже проясняется, погода меняется к лучшему, а это, не забывай, хороший знак.

Наш добрый друг усердно молится за тебя, близость Божиего человека придает силу, веру и надежду, которые так нужны. Окружающие не понимают, откуда взялось твое великое спокойствие, думают, что ты ничего не понимаешь, пытаются подорвать твои силы, запугать, уязвить тебя. Но вскоре это им надоест.

Если напишет дорогая мама, помни, что за ней стоят Михели. Не обращай внимания, не принимай близко к сердцу, слава Богу, ее здесь нет, но добрые люди находят средства причинить вред письмами. Все меняется к лучшему – так говорят сны нашего друга. Милый, отправляйся к Могилевской Богородице обрести покой и силу, загляни после чая, перед приемом, возьми с собой дитя, тихонько – там так спокойно, можешь поставить свечи. Пусть люди видят, что ты христианский государь. И не робей. Даже такой пример поможет другим.

Как могут быть ночи такими тоскливыми? Не могу вообразить. Одно утешение – крепко прижимать тебя к себе, так утихают муки души и сердца. Я пыталась вложить в мои ласки всю бесконечную любовь, молитвы, веру и силу. Ты так невыразимо дорог мне, сердечный мой супруг. Да благословит Господь тебя и мое драгоценное дитя, целую вас; когда грустно, зайди к малышу и тихонько посиди рядом с его милыми людьми. Поцелуй возлюбленное дитя, и тебе сразу станет хорошо и покойно. Дарю тебе всю мою любовь, Солнце моей жизни.

Спи сладко, сердцем и душой с тобой, мои молитвы о тебе –
Господь и Пресвятая Дева никогда тебя не оставят.

Вечно только

Твоя

Кэтрин Мэнсфилд (1888–1923)

Моя любовь к тебе сегодня так глубока и нежна, что выплескивается из меня наружу.

Кэтрин Мэнсфилд (настоящее имя Кэтлин Бошан) родилась в Веллингтоне, Новая Зеландия, в семье потомков англичан. Ее отец был преуспевающим предпринимателем, начавшим дело с нуля. И он, и его жена были честолюбивы и в финансовом, и в социальном плане. Кэтлин стала их третьей дочерью, после еще двух дочерей родился сын Лесли.

В 1903 г. Кэтрин, к тому времени взявшая псевдоним, и две ее старшие сестры были отправлены в Европу заканчивать образование. Они посещали передовую школу в Лондоне, где у Кэтрин завязалась продолжавшаяся всю жизнь дружба с еще одной ученицей, Идой Бейкер. Кэтрин редактировала школьный журнал и проводила каникулы в Париже и Брюсселе. В 1906 г. она вернулась в Новую Зеландию, но всеми силами стремилась в Лондон. После романа с молодой художницей ее родители уступили, и в 1908 г. Кэтрин окончательно покинула Новую Зеландию.

Год после приезда Кэтрин в Лондон выдался беспокойным, его отзвуки прослеживались на протяжении всей ее жизни. Влюбившись в соотечественника, музыканта Гарнета Троуэлла, она поступила в гастролирующую оперную труппу (Кэтрин была талантливой виолончелисткой), чтобы быть рядом с ним, и забеременела. Обнаружив это, она покинула труппу и вышла замуж за респектабельного учителя пения Джорджа Боудена, который был десятью годами старше ее. Сразу после церемонии она бежала и спряталась у подруги Иды. Мать Кэтрин поспешила приехать с другого конца света, разыскала дочь и, прочитав родным Иды нотацию об опасностях лесбийской любви, насильно увезла дочь на воды в Германию, где у Кэтрин случился выкидыш. Миссис Бошан бесцеремонно бросила ее там же и вернулась в Веллингтон, где сразу же вычеркнула дочь из завещания.

Кэтрин смогла вернуться в Лондон лишь после того, как Ида оплатила ей обратный билет из Германии. Тем временем Кэтрин начала встречаться с поляком Флорианом Собиновски, за которого собиралась выйти замуж в Париже. Но об этом пришлось забыть, когда незалеченная гонорея подорвала ее здоровье,

вынудила Кэтрин согласиться на операцию и лишила ее шанса когда-либо иметь детей.

Вынужденное пребывание Кэтрин на водах принесло плоды – сборник рассказов «В немецком пансионе» (*In a German Pension*), который привлек благосклонное внимание читателей после публикации в 1911 г. и привел к знакомству Кэтрин с Джоном Миддлтоном Марри, редактором авангардного журнала «Ритм» (*Rhythm*). Они стали жить вместе и следующие четыре года провели в Лондоне и Париже, удирая от кредиторов, выпуская журнал и заводя дружбу с писателями и художниками, в том числе с Д. Г. Лоуренсом и его любовницей, впоследствии женой Фридой Уикли (Рихтгофен). Все это время Кэтрин ничего не писала. В 1915 г. она в одиночестве отправилась в Париж, где завязала роман с французским писателем и приступила к работе над своим самым известным произведением – «Прелюдия» (*Prelude*). К Марри она вернулась в мае. В октябре того же года ее брат Лесли, ушедший в армию и служивший во Франции, погиб; скорбящая Кэтрин настояла на путешествии через раздираемую войной страну, где вскоре после этого к ней присоединился Марри. Период относительного спокойствия и продуктивной работы на юге Франции подошел к концу, когда супруги Лоуренс позвали друзей в Зеннор, Корнуолл, принять участие в создании коммуны, которая, как и следовало ожидать при таком несходстве темпераментов, просуществовала считанные недели.

В начале 1918 г. у Кэтрин обнаружили туберкулез и отправили ее на лечение во Францию в сопровождении Иды. В марте того же года она вернулась, развод с Боуденом наконец состоялся, и Кэтрин с Марри получили возможность пожениться, что и сделали 3 мая. Но оставшиеся годы жизни Кэтрин прошли в разъездах между Лондоном, Францией и Швейцарией: она пыталась хоть на шаг опередить болезнь, которая убивала ее. Кэтрин испробовала разные способы лечения, в том числе явно шарлатанские и вредные, и наконец остановила выбор на лечебном заведении в Фонтенбло, неподалеку от Парижа, которое возглавлял греко-армянский гуру. 9 января 1923 г. Марри разрешили навестить ее там, в тот же вечер Кэтрин скончалась.

Марри стал хранителем ее рукописей и на протяжении двадцати лет после ее смерти посвящал себя редактированию и публикации писем, дневников, рассказов и стихов, которые обеспечили Кэтрин репутацию одного из самых влиятельных авторов начала XX в. (и, следует отметить, обогатили ее мужа; преданной подруге Иде Бейкер не досталось ничего).

Первые три письма из приведенных ниже относятся к периоду пребывания Кэтрин в Париже, после которого начался ее роман с

французским писателем. Если рассматривать их в таком контексте, они примечательны прежде всего явно выраженной потребностью в поддержке и неуверенностью – вероятно, к тому времени Кэтрин уже поняла, что хочет вернуться домой. Последнее письмо отнюдь не любовное, оно демонстрирует методы, которыми Кэтрин боролась с соперницами за внимание своего мужа. Даже теперь, после стольких лет, его ледяной и пренебрежительный тон внушает ужас.

**Кэтрин Мэнсфилд – Джону Миддлтону
Марри
(19 марта 1915 года, отправлено из
Парижа)**

Сегодня моя любовь к тебе очень странная. Не подвергай ее психоанализу. Я вдруг увидела тебя лежащим в горячей ванне и подмигивающим мне, твое очаровательно прекрасное тело было наполовину скрыто под водой. Я сидела на краю ванны в халате, ожидая своей очереди. Все вокруг запотело от влажного пара, была ночь, ты выглядел томно. «Тиг, подкинь-ка вон ту губку». Нет, я *не буду* так думать о тебе. Я стисну зубы и не стану слушать сердце. Оно начинает рыдать, будто дитя в пустой комнате, стучаться в дверь и повторять: «Джек, Джек, Джек и Тиг». Мне станет лучше, когда я получу письмо.

О, Боже, как я могу так его любить! Люблю ли я тебя гораздо сильнее, чем ты меня, или же ты тоже... испытываешь те же чувства?

Тиг

Утро субботы. Только что выходила посмотреть, нет ли писем. У меня все хорошо, дорогой.

Кэтрин Мэнсфилд – Джону Миддлтону Марри (26 марта 1915 года)

Любимый мой, я так волнуюсь и не нахожу себе места, что не могу ни написать тебе сегодня, ни послать что-нибудь. Когда я вернулась после тщетных поисков писем, консержка завела бесконечный рассказ о какой-то эльзаске, живущей в том же доме, которая вчера получила письмо на четырех страницах на имя Боуден^[4]. «Еще одно пришло сегодня, – добавила она, – и я вернула его почтальону». Я чуть не разрыдалась. Ведь я *написала* ей эту фамилию, а она напрочь забыла, считая, что я Мэнсфилд. С тех пор я ношусь от одной почты до другой. Эльзаски нет. Теперь я жду ее и почтальона. У меня замирает сердце от ужаса при мысли, что твое письмо потерялось. Меня просто нет. Наверное, я преувеличиваю, но лучше я кинусь в Сену или лягу на рельсы, чем потеряю письмо. Знаешь, Бука, мое сердце просто рыдает все это время, и я перепугана, безутешна, ни на что не годна.

О, мой драгоценный, мой возлюбленный Джек, прости Тиг эти глупые каракули.

Жизнь не должна так поступать с нами. Я могла бы *убить* консержку, притом с удовольствием. *Une lettre d'Angleterre dans un couvert bleu*^[5].

Мужайся! Но пока я просто ношусь во весь опор и безутешно рыдаю в твоих объятиях.

Завтра я напишу все подробно. А это письмо – просто чтобы сказать, что я люблю тебя и что для меня ты дыхание жизни.

Тиг

Кэтрин Мэнсфилд – Джону Миддлтону Марри (28 марта 1915 года)

Джек, не могу скрывать, что я чувствую сегодня. Я проснулась с тобой в моей груди и на моих губах. Джек, сегодня я ужасно люблю тебя. Весь мир исчез. Есть только ты. Я хожу, одеваюсь, ем, пишу, но все это время я *дышу* тобой. Меня то и дело подмывает телеграфировать тебе, что я примчусь домой сразу же, как только Кей пришлет мне деньги. Вполне возможно, я так и сделаю.

*Джек, Джек, я хочу вернуться
И услышать утят:
Кря-кря-кря!*

Жизнь слишком коротка для нашей любви, даже если бы мы провели вместе много лет, ни на миг не расставаясь. Я не могу думать о тебе – нашей жизни – нашей дорогой жизни – о тебе, мое сокровище, – обо всем, что есть в тебе.

Нет, нет, нет. Скорее обними меня. Тиг устала, она плачет. Хочу тебя, хочу тебя. Без тебя жизнь – ничто.

*Твоя женщина
Тиг*

**Кэтрин Мэнсфилд – Джону Миддлтону
Марри
(18 мая 1917 года, суббота, вечер,
отправлено из дома 24 по Редклифф-Роуд,
Фулхэм)**

Мой милый,

если найдешь эти строки в своей записной книжке, не воображай, что я перешла границы. Ты же знаешь, этого не было, – где же еще мне оставлять любовное письмо? Ибо мне не терпится сегодня написать тебе любовное письмо. Ты для меня все – я дышу тобой – слышу тебя – чувствую тебя во мне и вокруг меня – что я здесь делаю? Тебя нет – я видела тебя в поезде, на станции, подъезжающим, сидящим под лампой, беседующим, здоровающимся, моющим руки – и теперь я здесь – в твоём шатре – сижу за твоим столом. На столе лепестки желтофиолей и горелая спичка, синий карандаш и *Magdeburgische Zeitung*. Я точно так же дома, как и они.

Когда пришли сумерки – затопили тихий сад – прильнули к слепым окнам – начался мой первый и последний ужас – я варила кофе в кухне. Он был так неистов, так ужасен! Я отставила кофейник и просто убежала – убежала из студии и вверх по улице, с сумкой под мышкой, с кипой писчей бумаги и пером в другой руке. Мне казалось, если я добежу досюда и найду миссис [неразборчиво], я буду «в безопасности». Я нашла ее и зажгла твой газ, завела твои часы, задернула твои шторы, обняла твоё черное пальто и села, уже не чувствуя страха. Не сердись на меня, Бука. *Ca a ete plus fort que moi...* [Это сильнее меня. – Прим. пер.]. Вот почему я здесь.

Когда ты пришел на чай тем днем, ты взял бриош, разломил пополам и примял рыхлую внутренность двумя пальцами. Ты всегда делаешь это с булочками или куском хлеба – это твоя манера – и при этом держишь голову чуть набок...

Ты открыл чемодан, и я увидела твой старый фетр, и французскую книжку, и гребень в полном беспорядке – «Тиг. Я взял только три носовых платка». – Почему эти воспоминания так греют меня?

Прошлой ночью был один момент перед тем, как ты лег. Ты стоял совсем голый, немного наклонившись вперед – разговаривал. Это был только один миг. Я видела тебя – я так любила тебя – любила твоё тело с такой нежностью. О, милый, и

теперь я думаю не о «страсти». Нет, о другом, отчего каждый дюйм тебя кажется мне драгоценным. Твои мягкие плечи, твоя кремовая теплая кожа, твои уши, холодные, как ракушки, твои длинные ноги и твои ступни, которые я люблю зажимать ногами, прикосновения к твоему животу, твоя узкая молодая спина, чуть ниже той косточки, которая выпирает сзади на шее, у тебя маленькая родинка. Отчасти потому, что мы так молоды, я чувствую эту нежность. Я люблю твою юность. Будь я Господом, мне была бы невыносима мысль, что ее коснется холодный ветер.

Знаешь, у нас двоих все впереди, мы совершим много великих дел. Я твердо верю в нас и так же твердо верю в мою любовь к тебе, что по-прежнему молчу в глубине души. Мне никто не нужен, кроме тебя, моего любимого и моего друга, и никому, кроме тебя, я не буду верна.

Я твоя навеки.

Тиг

Кэтрин Мэнсфилд – Джону Миддлтону Марри (27 января 1918 года, воскресенье, вечер)

Любимый и дорогой,
уже десять минут девятого. Я просто обязана сказать тебе, как я тебя люблю в десять минут девятого субботним вечером 27 января 1918 г.

Весь день я просидела дома (только вышла отправить твое письмо) и теперь чувствую себя отдохнувшей. Джульетта вернулась из загородной поездки с голубыми ирисами – помнишь, как красиво они растут в домике со стрельчатой башенкой возле скал – и всевозможными сладко пахнущими жонкилиями... В комнате очень тепло. Огонь несильный, несколько язычков лижут полено и никак не решатся напасть на него... Идет поезд. А теперь опять тихо, только часы тикают. Смотрю на минутную стрелку и думаю, на какое посмешище себя выставлю, когда наконец поеду к тебе. Как буду сидеть в вагоне, положив часы на колени и для вида прикрывая их книгой. Но не стану ни читать, ни смотреть, только подхлестывать жаждущим взглядом, просто заставляя бежать быстрее.

Моя любовь к тебе сегодня так глубока и нежна, что выплескивается из меня наружу. Я прячусь, словно озерцо в объятиях больших гор, ты видишь меня далеко внизу, глубокое и сверкающее, в сущности, бездонное, мой милый. Если бросишь в меня свое сердце – не услышишь, как оно коснется дна. Люблю тебя – люблю тебя. Спокойной ночи.

О, Бука, что значит любить вот так!

Кэтрин Мэнсфилд – княгине Бибеско ^[6]
(урожденной Элизабет Асквит)
(24 марта 1921 года)

Княгиня,
боюсь, Вам придется прекратить строчить любовные записочки моему мужу, пока мы с ним живем под одной крышей. Подобные выходки не приветствуются в нашем мире.

Вы еще очень молоды, почему бы Вам не попросить мужа объяснить Вам, насколько недопустимы подобные ситуации?

Прошу, не вынуждайте меня писать Вам вновь. Я не люблю делать выговоры людям и просто ненавижу учить их манерам.

*Искренне Ваша,
Кэтрин Мэнсфилд*

Письма с Первой мировой войны

Посылаю тебе всю свою любовь, дорогой, много-много поцелуев от твоего маленького сокровища.

Первая мировая война продолжалась с 1914 по 1918 г., впервые в истории человечества охватив чуть ли не весь мир: бои велись в Европе, на Ближнем Востоке, в Африке и Азии. Цифры потерь ошеломляют: каждая третья британская семья потеряла близкого человека, который попал в списки убитых, раненых или попавших в плен. Приведенные ниже письма, которые некая жительница Уолтемстоу писала своему мужу в армию, примечательные живостью и отвагой, дают некоторое представление о жизни, которую вели родные солдат.

Жительница Уолтемстоу – мужу (17 сентября 1916 года, Уолтемстоу E17)

Дорогой мой, единственный,

с каждым днем я все сильнее скучаю по твоему милому лицу. Кажется, прошли годы с тех пор, как ты был здесь, обнимал меня и малышку, и, когда я поднимаю глаза и вижу за окном дождь, у меня готово разорваться сердце при мысли, что ты сейчас в холодной промозглой палатке, а я дома, возле уютного огня. О, милый, по-моему, это ужасно. Ты ничем не заслужил такой участи. Воскресенье ничем не отличается от других дней, разве что сегодня 17-е, но тем хуже. Ну, дружочек, отправила я посылку и надеюсь, что тебе понравятся, на этот раз они совсем простые, да еще платков и смену белья, только разворачивай осторожно – я кое-что припрятала там, чтобы отпраздновать годовщину, вместо того чтобы посылать курево. Ну, милый, больше никаких новостей не идет на ум, ты только дай мне знать, если тебе что-нибудь понадобится. Кстати, не нужно ли тебе пары свиных пузырей набить бриджи? Из них выходят неплохие подушки, дешевле некуда. Куча приветов и поцелуев тебе от дорогой малышки и любящей преданной женушки.

Жительница Уолтемстоу – мужу (25 июня 1917 года)

Дорогой мой муженек,

только что получили твое субботнее письмо. Ну так вот, милый, новостей у меня почти что нет, нечего рассказывать, а ты об этом наверняка пожалеешь. Бедный Гарри Сэвилл помер, только что пришли вести, что 10-го его ранило, а 15-го он скончался от ран, и никто даже не сообщил, что он ранен, так что все они потрясены. Миссис С. прямо-таки сама не своя, а у миссис Стайлс сын лежит в Борнмуте, сильно его ранило во Франции. Ох, дорогой, как все это ужасно, скорее бы все кончилось и ты вернулся ко мне. Знать бы, что ты невредим, сколько уж я лица твоего не видела, а от плохих вестей сердце не на месте. Уж прости, пишу неровно – малышка уснула у меня на руках, трудно писать. Не вешай нос, милый. Посылаю тебе всю свою любовь, дорогой, много-много поцелуев от твоего маленького сокровища. Говорит, мол, папа ушел драться с противными «емцами», а она их не любит. Твоя вечно любящая, вечно ждущая и преданная жена и малышка.

Жительница Уолтемстоу – мужу

(5 ноября 1917 года)

Дорогой мой,

слава Богу, наконец-то дождалась весточки от тебя из Дурбана от 19 и 20 сентября, да одно отправили морем, все три прибыли вместе 30 октября и шелковый платочек с ними, а как долго я ждала, крепилась. Наконец-то награда за мое терпение, и спасибо тебе за заботу, дорогой, увидеть твои строчки – все равно что клад отыскать. Как же тяжело тебе пришлось, милый, сколько же ты нашей малышке порасскажешь, когда снова к нам вернешься, так и будем вечерок за вечерком посиживать у старого камина да слушать, где ты побывал. Вот времечко-то будет, дорогой, и не поверишь, да еще если бы знать, для чего все это, все были бы счастливее, но такая уж она, эта проклятая война, милый, но ты не падай духом, мы все наверстаем, ты только вернись к нам, а я буду Бога молить, чтобы война не затянулась, надоела она нам, сил нет. И доченька твоя со мной вместе шлет тебе, наш дорогой, всю свою любовь, много поцелуев, и мы надеемся, что в скорости ты вернешься к нам домой невредимым.

Библиография

Love in Letters Illustrated in the Correspondence of Eminent Persons with Biographical Sketches of the Writers/ ed. Allan Grant. – G.W. Carleton&Co (New York), 1867. (Аллан Грант. Любовь и иллюстрации в переписке известных людей с биографическими очерками об авторах.)

Love Letters of Famous Man and Women / ed. J. T. Merydew. – Remington&Co (London), 1888. (Любовные письма известных мужчин и женщин / под ред. Дж. Т. Мэридю.)

Love Affairs of Famous Men&Women / ed. Henri Pene du Bois / Gibbings&Company (London), 1900. (Романы известных мужчин и женщин / под ред. Анри Пен Дюбуа.)

Love Letters of Famous People / ed. Freeman Bunting. – Gay and Bird (London), 1907. (Любовные письма известных людей / под ред. Фримена Бантинга.)

Letters of Love/ Arthur L. Humphreys / (London), 1911. (Артур Л. Хамфрис. Письма любви.)

Love Letters of Great Men and Women/ ed. C. H. Charles. – Stanley Paul&Co (London), 1924. (Любовные письма великих мужчин и женщин/ под ред. Ч. Х. Чарльза.)

Love Letters: An Anthology from British Isles, 975–1944 / ed. James Turner – Cassell&Company Ltd (London), 1970. (Любовные письма: антология с Британских островов, 975–1944 / под ред. Джеймса Тернера.)

Love Letters / ed. Antonia Fraser. – Weidenfeld&Nicolson (London), 1976. (Любовные письма / под ред. Антонии Фрейзер.)

The Virago Book of Love Letters/ ed. Jill Dawson. – Virago Press Ltd. (London), 1994. (Книга любовных писем / под ред. Джилл Доусон.)

Love Letters/ ed. Peter Washington. – Everyman's Library (London), 1996. (Любовные письма / под ред. Питера Уошингтона.)

The Virago Book of Women and the Great War / ed. Joyce Marlow. – Virago Press Ltd. (London), 1998. (Книга о женщинах и Первой мировой войне / под ред. Джойс Марлоу.)

Онлайн-архивы Массачусетского исторического общества,
www.masshist.org

Проект «Гутенберг», www.gutenberg.org

От автора

Благодарю Дж. Б. и Дж. Г., а также моих друзей из *Pan Macmillan*. Спасибо Л. Г. и У. М. и моим друзьям из *Little, Brown*. Спасибо моим родным, близким и дальним – все они великие мужчины и женщины. Спасибо сотрудникам Британской библиотеки. И главное – спасибо Д. Р., главе службы поддержки, превосходному водителю и самому любимому человеку.

notes

Примечания

Возможно, Нелл диктовала это письмо, и под «ней» подразумевается женщина, которая писала его под диктовку, хотя, судя по стилю и грамотности, Нелл следовало бы подыскать себе другого секретаря.

Модное место для прогулок в Брайтоне.

Вопреки себе.

Фамилия Кэтрин по мужу.

Письмо из Англии в голубом конверте.

Княгиня Бибеско (урожденная Элизабет Асквит, 1897–1945 гг.). Дочь Герберта Асквита и Марго Теннант, вышедшая замуж за румынского дипломата двадцатью двумя годами старше.